

НА ХОЗЯЙСТВЕ У ТИРАНА

Е Л Е Н А Т Р И Ф О Н Е Н К О

Елена Трифоненко

На хозяйстве у тирана

«Автор»

2024

Трифоненко Е.

На хозяйстве у тирана / Е. Трифоненко — «Автор», 2024

Сестра уверяет Борю, что у их деда поселилась мошенница. Дедуля даже собрался отписать ей свой дом. Борис едет в Анапу, чтобы вывести квартирантку-аферистку на чистую воду. Вот только девушка, которую он встречает у деда, — само очарование. Бориса тянет к ней со страшной силой, и он все никак не может разобраться, проходимка ли она. А ведь надо поторапливаться с выводами: на кону благополучие семьи.

© Трифоненко Е., 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1. Борис	6
Глава 2. Валентина	13
Глава 3. Борис	21
Глава 4. Валентина	27
Глава 5. Борис	34
Глава 6. Валентина	40
Конец ознакомительного фрагмента.	42

Елена Трифоненко

На хозяйстве у тирана

Глава 1. Борис

Терпеть не могу всякие праздничные сборища, когда надо говорить тосты и лобзаться с пьяными родственниками. Но день рождения матери я, конечно, пропустить не посмел. Приехал, как полагается, весь такой нарядный, с букетом и подарком.

Ну опоздал, да. Самую малость. На час, не больше, и у меня, между прочим, уважительная причина. На днях ко мне обратился владелец крупной строительной компании. Заказал озеленение территории вокруг своего нового жилого комплекса. У него вроде как терки возникли с другим подрядчиком. Тот ему постоянно высаживал что-то полудохлое, срывал сроки, вот застройщик и психанул. Когда до сдачи жилого комплекса осталось всего несколько месяцев, он вышвырнул прежних озеленителей и лично приехал в мое ландшафтное бюро.

Я вообще не люблю ввязываться в проекты, у которых сроки горят. Но тут не смог отказаться. Застройщик этот наобещал золотые горы. Заверил, что, если не подведем, он станет работать с нами на постоянной основе. Я, конечно, сразу размялся, представил, как мы новое оборудование закупим, штат нарастим. Ну и разошелся. Всю неделю гонял своих, чтобы в темпе обмерили участок, оценили все как следует. А в субботу утром собрал всех на совещание – обсуждать концепцию будущего озеленения.

Некоторые из подчиненных, конечно, бухтели, отказывались в субботу совещаться. Но я рыкнул на них и пригрозил увольнением. А как иначе? С проектом следовало закончить до конца лета, дабы в сентябре начать высаживать деревья.

Обсуждение в субботу выдалось бурным. Территория вокруг ЖК была огромной, а застройщик решил впечатлить будущих жильцов. Он хотел сразу два пруда, рокарий и мавританские газоны.

Пока я совещался со своими, Шурочка, секретарша моя, как раз метнулась за подарком – купила моей мамуле какие-то бусы. Или кольцо. Я не запомнил. У меня вообще в последнее время с памятью как-то не очень. Все из головы вылетает, даже важное. Я бы и про день рождения мамы забыл, если бы Шурочка не напомнила. Напоминать ей, правда, пришлось два раза: в пятницу и в субботу – во время совещания. Но она у меня молодец, внимательно следит за моим расписанием.

Притащившись к маменьке, я тут же вручил ей подарок, чтобы не забыть. Потом достал смартфон, стал надиктовывать еще пару идей, посетивших меня по дороге на день рождения. Но тут на руке повисла какая-то рыжая тетка, проорала истошно:

– Бо-о-орька, да какой же ты стал красавчик! Просто шикарный мужчина.

Я повернулся к маме:

– Кто это? Чего ей от меня надо?

А мама мне:

– Эта тетка твоя, Софья из Урюпинска. Ты, когда маленький был, ей босоножки обоссал. Не помнишь, что ли?

– Ах, Борюсик, как же быстро время летит! – продолжила голосить рыжая тетка. – Я бы если тебя на улице встретила, ни за что бы не признала. Сколько тебе лет-то уже, мой хороший?

– Тридцать, – процедил я. – Как и Зое. Мы же двойняшки

– Точно! Совсем забыла. – Она приникла ко мне. – Слушай, у моей подружки дочка красавица, давай вас познакомим? Она такие пирожки печет – пальцы проглотить.

Я как это все услышал, от рыжей быстрее дернул, но тут же угодил в лапы какому-то мужику. Тот стал пуще рыжей голосить:

– Штрафную Борюсику наливайте. Штрафную!

Я к маме обернулся, морганием сигнал «сос» подаю, а она шепчет:

– Это дядька из Чебоксар. Вот такой мужик!

Тут мне всунули бокал с какой-то мутью, заставили выпить залпом. В голове сразу немножко помутилось, захотелось на воздух. А мне уже новый бокал набуздырили. И дядька этот орет:

– А теперь за здоровье! За здоровье любимой мамочки – Татьяны Петровны.

Мне как-то тревожно сделалось за собственное будущее, но тут откуда ни возьмись появилась сестрица моя – Зоя – схватила меня за руку и потянула в сад. Я подумал, это она меня так спасает, но нет.

– Где тебя носит, Боря? – зашипела Зоя, когда мы с ней убежали за куст инжира. – Я тут чуть с ума не сошла, пока тебя дожидалась: вся жизнь перед глазами промелькнула.

– Что случилось? – спросил я, оглядывая куст. – Тебя тоже мучили штрафными?

– Нет, я про другое. – Зоя сделала несчастные глаза, заломила руки. – Дед не приехал. Мы его по «Скайпу» смотрели.

– Так ему за семьдесят уже – тяжело таскаться туда-сюда, – поспешил напомнить я. – Но мозги, как видишь, варят: со «Скайпом» управляется.

– Нет, Борька, ты не дослушал. Дедуля рассказал, что у него квартирантка появилась, она его так очаровала, что он уже подумывает ей дом завещать.

– Ну и пусть завещает – тебе-то что? Жить негде? – Я потербил ветку инжира. Меня напрягли дырки на нескольких листьях. Неужели моле-листовертка опять напала?

– Боря, ты совсем уже? – Зоя сердито хлопнула меня по плечу. – Ты там от работы своей кукушкой, что ли, поехал? Повторяю еще раз: дедуля наше гнездо родовое, домик в Анапе, собрался проходимке отписать. Сечешь?

– Так ты в этом гнезде раз в пять лет бываешь, – напомнил я. – Чего так разволновалась? Ну пусть какая-то милая тетенька скрасит нашему старичку остаток жизни за наследство – тебе жалко?

Зоя нервно обежала вокруг куста, потом выудила из кармана платья веер, стала обмахиваться.

– Вот не ожидала от тебя, Боря такого равнодушия, не ожидала. Какая-то проходимка не сегодня завтра деду нашему яду в суп подсыплет, а ты тут, как дурачок, лыбишься.

– Зачем ты сразу плохое думаешь про тетеньку? – урезонил я. – Может, там и правда любовь.

– Она молоденькая совсем. Не нужен ей наш старикашка. Ей хоромы его нужны, Боря, хоромы!

– А от меня-то ты чего хочешь?

– В смысле, чего? Помощи, конечно. Мы с тобой должны немедленно поехать в Анапу и выставить эту наглую тетку вон.

– Выставить? – Я скептически приподнял одну бровь. – Дед разве позволит? Это вообще-то его дом, он имеет право селить там кого угодно.

Зоя сникла, замахала веером еще энергичней.

– Ты прав, – уныло признала она. – Когда дед говорит об этой девице, он аж светится. Даже если я ее припугну, и она свалит, дед ее в любой канаве потом разыщет и обратно припрет. Да и отношения с ним я портить точно не хочу.

– Может, ты все-таки напрасно себя накручиваешь? Даже если тетка и правда позарилась на дедушкины хоромы, это не значит, что она попытается его отравить. Возможно, она будет спокойно ждать, когда дедуля отправится на тот свет своими силами. Нам наличие этой тетки только на руку: пожилой человек всегда под присмотром.

– Под каким таким присмотром? – взвилась Зоя. – У деда сердечный приступ случится – девка эта спецом его в кладовке запрет, будет ждать, пока он того...

– Зоя!

– Что, Зоя? – сестра выкатила грудь колесом. – Ты, Борька, зря криминальную хронику-то не смотришь, ой, зря.

Иногда на Зою находит, конечно. Она то соседку свою в сутенерстве подозревала, то за дочкиным репетитором по английскому пыталась слежку установить. Но все-таки в ее опасениях было зерно правды. Квартирантку не мешало бы проверить. Дед у нас человек доверчивый, мог пустить к себе случайную даму с улицы.

– Ладно, я постараюсь пробить эту вашу квартирантку в полиции, – со вздохом пообещал я. – Ты только имя ее узнай, пожалуйста, какие-нибудь паспортные данные.

– Думаешь, она уже кого-то уколошила и расхаживает на свободе? – расхохоталась сестра. – Борька, ну ты совсем уже! Я готова спорить, что биография у дедовой квартирантки идеальна. Можешь не тратить силы на полицию.

Она сделала еще один круг вокруг куста и вдруг просияла.

– Я знаю, что делать. Мы поедем к деду и превратим жизнь этой проходимки в ад. Чтобы она сама съехала и не соглашалась вернуться, даже если дед встанет перед ней на колени.

– Блин, ты серьезно?

– А у тебя есть другие варианты? – Зоя подбоченилась, глянула исподлобья.

Я почесал затылок:

– Вообще, нет.

– Значит, решено! – радостно воскликнула она. – Завтра же едем к деду. Надо заказать билеты на электричку. У тебя паспорт с собой?

– Зачем тебе мой паспорт?

– Ну а как я еще куплю тебе билет?

– Какой билет, Зоя, ты о чем? – Я стал пятиться от нее в сторону дома.

Сестра это просекла, вцепилась мне в плечо обеими руками.

– Боря, ты должен поехать со мной. Ты же понимаешь: мне одной не справиться.

– Но я не могу. У меня нарисовался важный клиент, у меня тут работы непочатый край на все лето.

– Боря! – Зоя затрясла меня из стороны в сторону. – Боря, она меня вместе с дедом отравит – ты этого хочешь?

– Нет, конечно. Но ты просто будь умней: не ешь ничего дома, ходи в столовку.

Сестра прямо окаменела.

– То есть вот так, да? – Глаза Зои превратились в две крохотные щелочки. – То есть собственные амбиции тебе дороже семьи? Ну офигеть. Улет! Видимо, ты такой же, как мой бывший муж. Видимо вы, мужики, все такие эгоисты. Вам плевать на все, кроме собственного удовольствия. – Она гордо вздернула подбородок. – Ладно, буду знать, что на тебя тоже можно не рассчитывать.

– Зоя, ну зачем ты так? – По спине побежал противный холодок.

Зоя похлопала меня по плечу.

– Все, можешь расслабиться, Борис. Обойдусь без твоей помощи. И даже детям моим можешь не помогать, если меня траванут в Анапе, как таракана. Мама сама детей подымет, она у нас сильная женщина.

Сестра попыталась обойти меня, чтобы гордо утопать в дом, но я схватил ее за руку.

– Зоя, подожди! Мне на тебя не наплевать.

Она взглянула с надеждой, в глазах заблестели слезы. Мне, как назло, тут же стало совестно. Зоя переживала не самый лучший период. Полтора месяца назад она развелась с мужем: поймала его на измене. Мне не хотелось окончательно рушить ее веру в мужчин.

– Я поеду с тобой, – со вздохом пообещал я. – Но долго в Анапе пробыть не смогу: недели две, не больше. И даже за это время мне придется несколько раз отлучиться в Краснодар по делам. У меня сейчас реально крутой клиент, нельзя его разочаровывать.

Зоя сразу оживилась, расцвела.

– Не волнуйся, братик, мы быстро управимся, – сказала она. – Возможно, нам и недели хватит. Я умею мотать нервы, так что проходимка сбежит от нас очень быстро.

Утром в воскресенье на меня напала хандра. Ужасно не хотелось ехать с Зоей, будущее рисовалось в темных тонах. Я так и видел, как заваливаю сроки и хороню ту профессиональную репутацию, которую мне удалось создать в последние пять лет.

Но потом я сказал себе: «Не все так страшно, Боря. У тебя хорошие спецы, они справятся, даже если ты будешь далеко». Я позвонил Шурочке, предупредил, что ближайшие пару недель буду работать удаленно.

– Кутить едете, Борис Сергеевич? – с интересом спросила Шурочка.

– Нет, по семейным делам. К деду в Анапу.

– О, Анапа – это чудесно! – мечтательно пролепетала Шурочка. – Вы уж там постарайтесь найти время заглянуть на пляж. Вам нужно больше отдыхать.

– На том свете отдохнем, – отрезал я. – Ты там потряси Иванова, пусть быстрее садится за форэскиз.

– Иванов сейчас занят, – возразила Шурочка. – У его жены ночью начались схватки, он с ней сейчас в роддоме.

– Ну капец как вовремя! – невольно ругнулся я. – Позвони тогда Петрову, скажи, чтобы он занялся форэскизом.

– Петров тоже занят, – грустно сообщила Шурочка. – Он мне только что звонил. Вчера он упал с вишни и, кажется, сломал пару ребер. Сейчас он в очереди к врачу.

– Тогда звони Сидорову.

– У Сидорова ночью дом ограбили, он дает показания в полиции.

– Они там все сговорились, что ли? – прорычал я. – Мы так все сроки завалим.

– Борис Сергеевич, вы только не волнуйтесь, – защебетала Шурочка. – У жены Иванова раскрытие восемь сантиметров.

– Какое еще раскрытие? – не понял я.

– Э... Не важно, – смущенно ответила Шурочка – Главное, что Иванов освободится совсем скоро. Я ему чуть позже перезвоню и напомним про форэскиз.

– Хорошо, спасибо.

Я распрощался с Шурочкой и с раздражением отложил телефон, но тот опять зазвонил.

– Привет! – промурлыкал из динамика женский голос. – Неужели ты по мне совсем не скучаешь?

– Вика? – уточнил я наугад.

– Вообще-то, Маша, – обиженно возразила собеседница.

– Вы, наверное, номером ошиблись, – пробурчал я и сбросил вызов.

Но противная девушка набрала мне снова.

– Борюсик, ты решил меня игнорировать? – с вызовом спросила она. – Хочешь таким образом подогреть к себе интерес? У тебя получается. Я уже вся горю. Приезжай.

Я сразу вспомнил, что это за Маша. Пару недель назад мы высаживали деревья у небольшой гостиницы, и все переговоры по проекту вели как раз с ней. Маша в той гостинице то ли менеджер, то ли дочка хозяина, а может и два в одном. Когда ребята закончили с деревьями, она предложила мне отметить завершение сотрудничества. Пригласила на вечеринку.

Мне неудобно было отказываться. Но когда я притащился вечером по данному ей адресу, Маша была там одна, в белье. И сразу такая: «Борис, позвольте, я покажу вам свою коллекцию марок». В общем, она схватила меня за руку и потащила в спальню. Маша эта, в принципе, смазливая, фигуристая. Только глаза немного странные, и выражение лица такое, будто она хочет меня сожрать.

Надо было, конечно, уйти, сославшись на дела. Но я что-то замешкался. У меня месяц, наверное, ни с кем не было. А Маша эта и пачку презиков достала, баночки какие-то. Ну, короче, не устоял я. Лоханулся.

Покувыркались мы с ней пару часов, потом я домой хотел дернуть. А Маша эта вдруг вцепилась в меня своими клешнями и не давала встать с постели. Да еще и сверху навалилась, как глыба бетонная. Сказала, что обожает, когда можно во сне кого-то обнимать. Я понял, что легко не свалишь, решил дожидаться, пока она заснет. Но в итоге первым и отрубился.

Проснулся уже утром, от того что Маша теребила меня за щеку.

– Милый, я оладушек нажарила, – сообщила она и, когда я попытался подняться, припилила меня к постели столиком с этими оладушками. Пахли они хорошо, но мне все равно хотелось домой.

Я кое-как затолкал оладьи в себя и снова попытался сбежать, но Маша преградила проход к дверям и стала снова раздеваться. Пришлось, в общем, еще с ней резвиться, хотя у меня запал уже был на нуле. Когда Маша удовлетворенно отвалилась, я попытался сказать ей, что мне вообще-то некогда, надо идти, но она закрыла мне рот ладошкой и прошептала утробным голосом:

– Ничего не желаю слушать. Сначала я накормлю тебя борщом. Я шикарный борщ готовлю, ты должен попробовать.

– Сначала сходи в душ, – посоветовал я. – Мы, может, и на кухне еще устроим оргию.

– Правда? – Она прямо расцвела и, купившись, отчалила в ванную. Тут-то я и сумел сбежать. Надеялся, Маша обидится и отвалит, но она, выходит, совсем не злопамятная.

– Борюсик, ну чего ты молчишь? – проворковала Маша, выводя меня из задумчивости. – А хочешь, я к тебе сама приеду?

– Нет, не хочу! – выпалил я. – Я уезжаю. Прямо сейчас.

– Куда?

Я не стал отвечать: мало ли, вдруг эта Маша тоже в Анапу намылится? Отключив телефон, я стал быстрее паковать чемодан. Чутье подсказывало, что лучше покинуть квартиру в кратчайшие сроки, пока в нее не ворвалась озабоченная девица с борщом.

Минут через сорок я уже был у дома Зои. Она с детьми жила в небольшом коттедже, который отжала у бывшего мужа после развода. Коттедж увивал виноград, у темно-коричневых ворот цвел гибискус. Выбравшись из машины, я позвонил в домофон. Пришлось подождать, но потом мне все-таки ответил заспанный голос сестры.

– Боря? Ты почему так рано?

Я взглянул на часы.

– Ну, вообще-то уже половина десятого, – важно сообщил я. – А нам лучше выехать пораньше. Как-никак июль на дворе: все прутся к морю, там и сям дорожные работы. Если выедем после обеда, в Анапу попадем только ночью.

– А я говорила вчера, что надо ехать на электричке, – не удержалась от подколки Зоя.

– Ты кончай языком трепать. Собирай детей и погнали. У меня в шесть еще видеоконференция с дизайнерами.

– Ладно, не нервничай, – хмыкнула сестра. – Вещи мы еще вчера по сумкам распихали. Сейчас умоемся, переоденемся и выйдем.

– Хорошо, жду.

Я снова сел в машину, стал проверять на ноутбуке рабочую почту. Писем за сутки навалило прилично. Увлечшись, перепиской, я и не заметил, как ко мне подкатил Миша (Зоин младшенький) с ярко-желтым чемоданом на колесиках.

– Дядя Боря, а ты знал, что у пауков нет ушей? – спросил он.

Я даже вздрогнул и едва не уронил ноутбук.

– Что, прости?

Миша тычком указательного пальца поправил очки в толстой оправе, потом деловито пояснил:

– Пауки слышат с помощью волосков на ногах.

– Надо же! – пробормотал я, выбираясь из авто, чтобы погрузить в багажник его чемодан.

– А еще вместо крови у пауков гемолимфа, – добавил Миша, – она на воздухе кажется голубой.

Я потрепал его по волосам. Они у него были белые-белые, прямо как у Зои в детстве.

– За год обычный паук съедает больше двух тысяч насекомых, – продолжил делиться Миша.

– И откуда ты все это знаешь? – удивился я.

Мише только недавно исполнилось семь, в садик он не ходил из-за слабого здоровья. И из-за того, что Зоя не спешила возвращаться к работе. Ей было удобно говорить всем, что Мише требуется присмотр, потому она вынуждена торчать дома.

– Дядь Борь, привет! – заверещала подбежавшая за Мишей Настя, Зоина дочка. Она прыгнула на меня, едва не сбив с ног, звонко чмокнув в обе щеки, потребовала: – Покружи, дядь Борь! Меня уже сто лет никто не кружил.

Я пару раз крутанулся вокруг своей оси с Настей на шее. Ей было девять, но благодаря хорошему аппетиту, весила она довольно прилично. Килограммов сорок пять так точно.

Кружить ее было не особо-то легко, но я постарался выдержать целую минуту. Когда, окончательно выдохнувшись, остановился, Настя поморщилась:

– Чего-то мало кружил, дядь Борь. Давай еще.

Я кое-как покружился еще немного, придерживая ее за талию. Настя утробно захохотала, раскинула руки, отчего мне стало еще тяжелей.

– Я фея. Я лечу!

Я почувствовал, что руки сейчас отвалятся, но мне было жаль проявлять строгость. Фиг знает, как Зоины дети переживают недавний развод родителей. Им, наверное, требуется особенная чуткость.

– Так, фея, слезай, – сердито рявкнула Зоя, появившаяся следом за детьми с рюкзаком, чемоданом и парой разноцветных авосек.

Я крутанул Настю еще разок и с радостью поставил на землю.

– Красивое у меня платье? – тут же осведомилась Настя и стала махать пышным розовым подолом туда-сюда.

– Да, красивое, – буркнул я и бросился быстрее закидывать их сумки и чемоданы в багажник.

– А браслетики красивые? – Настя потянула меня за край футболки, надеясь привлечь внимание.

– Ага, красивые.

– Значит, сфотографируй меня, дядь Борь! – еще больше оживилась Настя. – Поставишь себе мое фото на телефон. Все будут спрашивать, откуда такая девочка. А ты скажешь: племянница. Тебе все завидовать будут.

– Давай я тебя в Анапе сфотографирую, – постарался отвертеться я.

– Нет, я там уже устану и буду не такая красивая. Вот тут снимай – у куста.

Настя подбежала к воротам, застыла в странной позе.

– Ты же вчера уже рядом с гибискусом фоткалась! – возмутилась Зоя. – Сколько можно? Я Боре просто перекину вчерашние фото.

– Нет, не надо! – разъярилась Настя и даже ногой топнула. – Вчера у меня платье было не такое красивое. И прически вчера не было. Сегодня я приколола заколки с цветочками, не видишь, что ли?

– Господи, дети, давайте уже поедem, – взмолился я.

– Ага, поехали, – меланхолично согласился Миша. – Я слышал, что в Анапе водятся каракурты. Я хочу поймать одного, если получится.

– Нет, я отказываюсь куда-либо ехать, пока меня кто-нибудь не сфотографирует, – отрезала Настя. – У меня, кстати, новый лак с блестками. Дядь Борь, тебе нравится?

Она подбежала ко мне, стала трясти у меня перед лицом растопыренными пальцами. В глазах зарябило.

– Ладно, давай сфотографирую, – сдалась Зоя.

Они с Настей отошли к кусту, Зоя торопливо достала из кармана джинсовых шорт айфон.

Одним снимком все, конечно, не ограничилось. Настя минут десять старательно принимала одну изысканную позу за другой, слала матери воздушные поцелуи и жеманно поводила плечами. А потом она и Зоя минут пять изучали получившиеся снимки.

– Ну вы скоро? – сердито окликнул я, потому что терпение уже было на нуле.

– Уже идем! – крикнула Зоя, но с места не двинулась. Немного подумав, она надергала с куста ярко-розовых цветов и, приколов их к волосам дочери, продолжила фотосъемку.

Я сел в машину, решил дожидаться родню там. Следом в авто забрался Миша. Я помог ему пристегнуться.

– Дядь Борь, а представляешь, Сиднейский воронковый паук способен прокусить сапог, – снова доклепался он. – Его яд может убить взрослого человека. Но не действует на кошек и собак. – Миша снова тычком поправил очки. – Дядь Борь, а ты бывал в Сиднее?

– Слава богу, нет.

Я нервно одернул футболку. Боже, на что я подписался?

Глава 2. Валентина

– А чё там старикан, у которого ты поселилась? Не пристаёт к тебе? – спросила подруга, помешивая коктейль трубочкой.

– Лер, ты нормальная? – Я чуть кофе не поперхнулась. – Ему семьдесят пять.

– Ну мало ли. – Лерка нахмурилась. – Знаешь, какие похотливые старикашки бывают? Недавно вот мед брала у одного пенсионера, так он одной рукой банку мне подает, а второй – за задницу хватать. И стоит лыбиться. Я ему говорю: «Дедуля, вы бы руку убрали: голова от счастья закружится, а в вашем возрасте это опасно». А он мне такой: «Старость надо уважать, деточка. Да и вообще, тебе жалко, что ли?»

– Нет, Петр Петрович не такой, – поспешно заверила я. – Он очень вежливый и воспитанный.

– Так это он, может, только выжидает момент, когда можно будет безнаказанно облапать.

– Лера! – Я сделала строгий вид. – Прекрати.

– Я просто волнуюсь за тебя, – сказала подруга. – Все-таки мутный же какой-то дедок. Я бы не рискнула у него селиться. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке.

– Я не бесплатно у него живу. Я оплачиваю половину коммунальных платежей, готовлю ему, убираю.

– А продукты кто покупает?

Я задумалась, потом почувствовала неловкость.

– Он, в основном, покупает продукты и постоянно меня угощает, – признала я. – Но я тоже иногда в магазин заскакиваю, беру что-нибудь по мелочи.

– Вот! – торжествующе воскликнула Лера. – Ты у него почти бесплатно спишь и ешь, не верю в таких благодетелей. Явно он на что-то рассчитывает.

Щеки у меня, кажется, стали красными. На мгновение подумалось: а вдруг я и правда некрасиво веду себя, вдруг излишне пользуюсь добротой старого человека?

– Еще я за садом ухаживаю, – с сомнением добавила я. – Я же почти домработница с проживанием, только он мне не платит.

Лера некоторое время обдумывала мои слова, потом сказала серьезно:

– Я бы на твоём месте осмотрела ванную, поискала скрытую камеру. Возможно, старичок все же подглядывает за тобой.

Ну и абсурд! Я даже разозлилась.

– Лер, если ты немедленно не прекратишь говорить плохо про Петра Петровича, я с тобой поссорюсь.

– Ладно, готова сменить тему, – внезапно согласилась Лера. – Как продвигается с тем Сережей, что в прошлые выходные брал у тебя телефончик на набережной?

– Никак.

– Почему?

– Не нравится он мне, – пробурчала я. – Я его отшила. В грубой форме.

– Да какого черта, Валя? – возмутилась Лерка. – Ну не зашел тебе мужик – подружке отдай. Или соседке. Зачем сразу посылать-то?

– Он когда позвонил, предлагал прогуляться у его дома. – Я невольно скривилась, припоминая разговор. – Зачем тебе нужен такой озабоченный?

– Я тоже озабоченная. – У Лерки загорелись глаза. – А он такой красавчик!

– Ладно, в следующий раз буду отправлять всех смазливых к тебе, – со вздохом, пообещала я.

– А самой-то что, совсем не надо? – удивилась Лера. – Для здоровья.

– Не надо, – буркнула я. – Мне бывшего хватило.

– И чем же он так тебя достал? Может, расскажешь все же?

Я не любила обсуждать личную жизнь. Но в тот момент Лера смотрела на меня с таким искренним любопытством, что я решилась на откровенность.

– Ну, не сказать, чтобы он прям ужасный был. Сначала так вообще казался идеальным. Complimentами сыпал, гостинцы приносил, сумки мог помочь донести. – Я сделала очередной глоток кофе. – А потом у меня задержка случилась. Я испугалась, что таблетки подвели, сказала ему. Он даже посочувствовал. Но тут же перестал отвечать на звонки. А потом я узнала, что он вообще из города свалил. Испугался, видимо, что я свадьбу и алименты потребую.

– Запаниковал мужик. Бывает... – задумчиво произнесла Лера.

– У меня просто сбой был, на четыре дня всего месячные задержались. – Я вздохнула. – Но что-то теперь от мужиков воротит. Вот так подведут таблетки по-настоящему и куда мне? Обратно к маме на Урал, в родной райцентр? Там и без меня тесно: сеструха второго ждет, а у нас дом – три комнатки. Мама сейчас в проходной комнате спит.

– Так и сколько ты планируешь хранить воздержание? – хихикнув, спросила Лера. – До климакса?

– Пока на квартиру свою не заработаю, никого к себе не подпущу, – сердито буркнула я. – И не надо смеяться.

– Извини. Я просто никогда подобного не слышала.

– Хотя, возможно, я только к климаксу и накоплю, – вздохнув, сказала я. – Или даже к пенсии. Я почему у Петра Петровича-то поселилась: не получается нормально откладывать. Аренда все сжирает. В сезон-то вон как все цены задирают.

– Ага, понимаю, – протянула Лера.

Хотя это было неправдой. Ничегошеньки она не понимала. Ей родители еще на совершеннолетие подарили шикарную однушку с видом на море. Лера вообще никогда не беспокоилась о завтрашнем дне: родители всегда были готовы подкинуть ей денег и грезили о внуках. А у меня только мама (обычная учительница), папа давно умер. Младшая сестра первой выскочила замуж и притащила мужа жить к нам. Муж у нее очень хороший, рукастый, но такой же невезучий нищелюб, как и мы.

Вообще, я мечтаю не просто заработать на квартиру. Я хотела бы и маму к себе забрать – в Анапу. Пусть хоть на старости лет косточки погрееет, посмотрит на море.

Лерка откинулась на спинку стула, внимательно оглядела кондитерскую, где мы сидели.

– Симпатичное местечко, – сказала она.

– Ага, уютно. Вот бы нам тоже такое открыть.

– Ох, Валь, ты такая мечтательница! – Лерка снова хихикнула. – Я с тебя валяюсь.

– Но ведь хорошо было бы, – насупившись, сказала я. – Работали бы сами на себя, можно было бы больше экспериментировать: украшать пирожные, как захочется, пробовать разное.

– Наверное, – с сомнением сказала Лера.

– Или тебе у нас в цеху больше нравится? – подколола я. – Целыми днями «Прагу» варганить и «Три шоколада».

– Не, цех уже достал, – признала Лера. – Я бы свалила куда-нибудь. Замуж, например.

Я взглянула недоверчиво. Лерка заметила, развела руками:

– Ну да, вот такая я не амбициозная. У меня, как ты помнишь, и образование попроще. Это ты у нас – после университета, а мне и колледжа хватило.

– Да от этого университета все равно никакого толку! – в сердцах махнула рукой я. – Один черт, по специальности никто не берет.

– Я так и подумала, – сказала Лера. – И решила, что лучше замуж, чем в универ. Но вот как-то не клеится с замужем. Вообще не понимаю почему. Разве я не красавица?

– Красавица! – подтвердила я.

– И хозяйюшка хорошая. И с приданым, – Лерка игриво повела плечами. – Не понимаю, чего мужики шарахаются.

– Дураки потому что, – привычно ответила я. – Козлы.

– Ну ничего, – Лерка опять хихикнула. – Главное, не унывать. И продолжать мониторить местность на предмет качественных самцов.

После наших посиделок в кондитерской я подкинула Леру до дома, а потом двинула к себе. Точней к Петру Петровичу. Я жила у него четвертый месяц и за это время уже смогла прилично отложить на первый взнос по ипотеке.

С Петром Петровичем меня свела знакомая, он искал какую-нибудь хорошую женщину, которая возьмет на себя хозяйство в обмен на комнату. Раньше меня наша сделка не смущала, но вот теперь – после Лериных слов – я задумалась. Нет, я, конечно, не решила, что Петр Петрович за мной подглядывает. Я заволновалась, что, возможно, это я веду себя некрасиво. Дело в том, что комната мне и правда почти ничего не стоила, ведь по хозяйству я делала совсем мало.

У Петра Петровича двухэтажный дом. На первом этаже огромная кухня-гостиная и две спальни. Одну занимал сам Петр Петрович, вторую он отдал мне. На втором этаже было еще три комнаты, но этой частью дома никто из нас не пользовался. Я навещала там только раз в месяц: стряхнуть пыль и пропылесосить. Первый этаж так же не доставлял особых хлопот. Убиралась я там где-то раз в неделю, да и то Петр Петрович ворчал, что это слишком часто. У нас особо ничего не пачкалось, потому что мы мало бывали дома. Я разрывалась между работой и подработкой, а Петр Петрович руководил небольшой фирмой, организующей морские прогулки и рыбалку.

Еще одной моей обязанностью была готовка, но и ею я занималась не каждый день. По утрам Петр Петрович ел только бутерброды, обед мог пропустить из-за того, что сам выходил в море с туристами, а вечерами он нередко звонил и говорил: «Не жди меня сегодня, я заночую у друзей».

В саду мне тоже не приходилось упыхиваться. За все время я только разочек постригла кусты и прополоча грядки. Полив был автоматизирован, а остальным активно занимался Петр Петрович.

Чем дольше я думала о своих хлопотах по хозяйству, тем больше меня мучила совесть. А может, мне стоит предложить Петру Петровичу оплачивать все коммунальные платежи за дом? Кажется, так будет намного честней с моей стороны.

Когда до дома оставалось совсем чуть-чуть, я вдруг заметила на обочине огромную зебру. Не животное. Человека в костюме, со звериной головой. Человек-зебра стоял у раскидистого абрикоса и обмахивался подсолнухом. Людей в подобных костюмах всегда полно на набережной, но в нашем районе я их не видела. Стало любопытно, что он тут забыл. Я сбросила скорость, чтобы внимательно его разглядеть. Подумалось, что это, наверное, кто-то пригласил на день рождения ребенка такого аниматора.

Когда до человека-зебры оставалось совсем немного, он вдруг дернулся и бросился прямо мне под колеса. Я завизжала и ударила по тормозам. Сердце из груди чуть не вылетело. Меня всю затрясло. Не помня себя, я выскочила из машины и бросилась к Зебре.

Человек в костюме лежал в полуметре от моего капота. Было непонятно: я успела затормозить вовремя, или его отбросило ударом.

– Боже, что с вами? Вы целы? – Я опустила перед человеком-зеброй на колени, стянула с него эту ужасную косматую голову.

На меня уставились ослепленные глаза.

– Ты злая плохая девочка! – сказал человек-зебра. – Ты меня сейчас чуть на тот свет не отправила. Кто тебе только права выдал?

От него несло алкоголем.

– Зачем вы кинулись под колеса? – строго спросила я.

– Я не кинулся, я просто упал, – ответил он, перекатываясь на четвереньки.

Он немного перемазался в пыли, я стала осторожно отряхивать его плечи и рукава.

– Вы ничего не повредили? – спросила я участливо.

– Отстань! – Он подобрал с земли подсолнух и стукнул им меня по голове. – От тебя одни разочарования.

Я вскочила на ноги. Человек-зебра тоже встал, поднял полосатую голову. Вид у него был странный: волосы торчали во все стороны, взгляд бесцельно блуждал. Вот же черт! Вдруг он все-таки пострадал от моей машины, просто из-за опьянения не отдает себе отчет?

– Давайте я подвезу вас до дома, – предложила я.

– А у меня нет дома, – ответил человек-зебра. – Вези меня под какой-нибудь мост, я буду теперь жить там.

– А раньше вы где жили? – Я растерялась. – Может, я вас к каким-нибудь родственникам заброшу? Или к друзьям?

– Вези под мост! – буркнул человек-зебра и на удивление быстро забрался в мою машину. Он устроился на сиденье рядом с водительским, примостил огромную голову от костюма на колени.

Немного подумав, я тоже села в авто.

– Вы точно хорошо себя чувствуете? – спросила я еще раз.

– Отлично! – ответил человек-зебра. – Гони, девочка. Вези меня с ветерком.

На пострадавшего он все-таки не тянул. Но не везти же его и правда под мост?

Я не знала, что делать. Человек-зебра поерзал и устроился удобней: откинул голову на спинку и закрыл глаза. Скорей всего, он, как и остальные «зебры», работал на набережной – приставал к туристам с предложением сфотографироваться. Но, видимо, сегодня перепил где-то или перегрелся, потому нес чушь.

И как же мне узнать, где он живет?

О, придумала! Отвезу его к Петру Петровичу, он всех на набережной знает: кто где обитает, кто кому родня. Он мне точно подскажет, куда можно сбегать этого полосатого кренделя.

Оставшуюся дорогу до дома я преодолела за считанные минуты. Но человек-зебра все равно успел отрубиться. Когда я притормозила у ворот, он раскатисто храпел и дергал во сне ногой. Надеюсь, дерганье это у него не из-за столкновения с моим авто.

Я выбралась из машины, отперла калитку и тут же остановилась как вкопанная. На том месте, где я обычно парковала свою старенькую «Приору», сейчас стоял огромный черный внедорожник. Откуда он тут? Петр Петрович позвал кого-то в гости? Я по инерции прошла вдоль машины, оглядела ее там и сям. Выглядела она неприлично дорогой и совершенно чужеродной в крохотном дворике, заросшем девичьим виноградом.

Странно, что Петр Петрович не предупредил о гостях. Вообще, он редко водил к себе кого-то, но каждый раз сообщал о намечающемся визите заранее.

Меня затопили нехорошие предчувствия. Может, это не гости, а из какой-нибудь службы пожаловали? Судебные приставы там или полиция. Или все даже хуже: земля под домиком Петра Петровича понадобилась какой-то шишке, вот тот и прислал своих людей – договариваться о покупке.

Я наконец оторвалась от разглядывания автомобиля и собралась идти к крыльцу, но снова оцепенела. На крыльце, прямо на ступенях сидел молодой брюнет и с недоумением смотрел на меня. Весь он был как с фотографии модного журнала: в кремово-белой рубашке, в светло-серых идеально отглаженных брюках. У него были широкие мускулистые плечи, краси-

вые черты лица. На волевом подбородке виднелась крохотная ямочка, а глаза казались невероятно голубыми, как васильки. Я уставилась на брюнета, совершенно забыв о приличиях.

– Что, машинка понравилась? – вдруг хмуро спросил он.

– Это ваша?

Брюнет захлопнул стоящий у него на коленях ноутбук.

– Моя.

Он еще раз очертил меня взглядом, неприлично долго задержал его на моей груди. Во рту у меня пересохло. Что, черт возьми, происходит? Кто этот человек?

Я медленно, с сомнением, двинулась к крыльцу, намереваясь проскользнуть в дом. Брюнет поднялся, загородил мне проход.

– Это ты, что ли, Ва-лю-ша? – вдруг поинтересовался он, как-то издевательски растягивая мое имя.

Мои плохие предчувствия многократно приумножились. Ох, точно бандит какой-то. Сейчас быстренько перепишет домик на нового владельца и выкинет нас на улицу.

– Где Петр Петрович? – строго спросила я.

Брюнет не ответил, продолжал меня разглядывать. Из сада донеслись возбужденные голоса. Я развернулась и рванула туда. Обожев дом, тут же заметила Петра Петровича. Он выглядел вполне довольным жизнью, вместе с незнакомой мне женщиной наполнял в саду бассейн. Рядом с ними носились какие-то дети, обстреливали друг друга из водяных пистолетов.

Я испытала невероятное облегчение, увидев, что с Петром Петровичем все нормально. Он заметил меня, замахал рукой.

– Валюша, милая, иди сюда! Я познакомлю тебя с моей внучкой.

Незнакомая женщина переменилась в лице, уставилась на меня с неприязнью. Петр Петрович этого не заметил, заворковал:

– Вот, Зоенька, познакомься: это Валя, квартирантка моя и помощница по хозяйству.

– Здрасьте, – сквозь зубы протянула его Зоенька, почти испепеляя меня взглядом.

– Добрый вечер, – ответила я и вежливо улыбнулась.

– Блинов нам нажарите? – с недоброй ухмылкой спросила Зоя, трогая воду в бассейне.

Я немного оторопела.

– А детям нужно манную кашу сварить, – добавила она, как будто наслаждаясь моим замешательством, – а потом, пожалуйста, разберите их чемоданы, повесьте всю одежду в шкаф.

– Зоя, что это ты раскомандовалась? – смутился Петр Петрович. – Валя все-таки не домработница, она просто немного мне помогает. – Я ваши чемоданы сам потом разберу. И кашу сварю.

Он схватил меня под руку, оттащил в сторону.

– Валя, пожалуйста, не пугайся, – шепотом взмолился Петр Петрович. – Зоя немного не в себе с дороги. Сейчас она передохнет и будет повежливей.

– Что вы! Мне совсем нетрудно нажарить блинов и сварить кашу, – заверила я. – И чемоданы разберу обязательно.

– Да не надо! – Петр Петрович поморщился, махнул рукой. – Дети вообще только из-за стола, я им хинкали варил. До утра они точно не проголодаются.

– Значит, пока ограничусь блинами.

Петр Петрович на секунду зажмурился, потом мотнул головой.

– Ох, я еще сам немного в шоке от того, что родственники заявили, – признался он. – Но ты не переживай, они ненадолго, на пару недель.

– А брюнет на крыльце – это Зоин муж? – спросила я.

– Что? Нет, Зоя в разводе, – с грустным видом поделился Петр Петрович. – А то мой второй внук. Боря. Я тебя потом познакомлю.

– Не надо. Мы, можно сказать, уже познакомились.

Меня вдруг с головы до ног окатило ледяной водой. От неожиданности я взвизгнула и даже слегка подпрыгнула.

– Ах, простите! – раздался из-за спины еле слышимый голосок Зои. – Шланг как-то вывернулся и... вот.

Я обернулась. Зоя деловито поправляла шланг, из которого наполнялся бассейн. Непонятно, как шланг этот мог оттуда выскочить. Прямо мистика какая-то. Я поспешно отжала мокрые волосы.

Бум! В голову мне врезался мяч. К счастью, маленький, хотя ощущения от удара все равно были неприятные. Зубы лязгнули, в ушах зазвенело.

– Извините! – рявкнула, подбегая за мячом, пухлая девочка.

– Это правнучка моя – Настенька, – воспользовавшись моментом, представил Петр Петрович.

Следом за девочкой подбежал худенький мальчик в очках, но в шаге от нас он споткнулся за торчащий из-под земли корень яблони и распластался по земле.

– А это Зоин сын – Миша, – меланхолично добавил Петр Петрович. – Весь в бабушку. Та у нас тоже на ровном месте спотыкалась.

– Ого, какой крупный крестовик! – воскликнул Миша, таращась в клумбу неподалеку. Он встал на четвереньки и быстро-быстро подполз к цветам, начал там кого-то ловить.

– Какие чудесные ребята! – с натянутой улыбкой похвалила я и вдруг вспомнила про человека-зебру в машине. – Петр Петрович, а мне ведь срочно нужен ваш совет.

– По поводу чего?

– Сложно объяснить. Давайте я вам лучше покажу.

Человек-зебра по-прежнему дрых в машине. Я подтащила к ней Петра Петровича, тот с опаской заглянул внутрь, но тут же расслабился, повеселел.

– О, да это Митька Косой, – заявил Петр Петрович. – Он в то лето кукурузу на пляже продавал, а в это – решил сменить профессию. Теперь артист у нас, знаменитость.

– Он под мою машину грохнулся, – стала объяснять я. – Я что-то не рискнула его на дороге оставлять, хочу до дома подбросить. Вы случайно не знаете, где он живет? Куда его везти?

Петр Петрович нахмурился.

– Да вот фиг знает, куда везти. Насколько мне известно, Митьку вчера жена из дома выгнала, он у нас теперь бомж.

Я растерялась.

– Как выгнала? За что? Может, с ней поговорить, она назад его возьмет?

– Нет, не возьмет, – уверенно заявил Петр Петрович. – Она его выперла за то, что с Люськой целовался. Если ты Митьку ей притащишь, она, может, его вообще убьет. Она очень злопамятная. Вот, помню, в позапрошлый год с ней Анжелка из бара «Устрицы и мидии» поцупалась, так Митькина женушка подкараулила Анжелку и...

– Так, может, Митьку этого к Люське тогда? – перебила я, не желая слушать кровавые подробности женских разборок.

– Зачем? – удивился Петр Петрович.

– Ну а куда еще?

– Не знаю, – пробормотал он. – Но точно не к Люське. У ней роман с Пашкой, который народ на банане катает. Пашка так-то мужик неплохой, но Митьке еще вчера навешал за Люську-то.

– Что у вас там за Люська? – возмутилась я. – Что за безответственная соблазнительница?

– Она на центральном пляже косы плетет. Черненькая такая, курносенькая. В розовой кепке обычно ходит, в зеленых шортах.

– Понятно, – протянула я. – А может, у Митьки вашего родня какая есть?

– Так он же не местный, – сказал Петр Петрович с таким видом, будто я его изрядно утомила. – Откуда у него тут родня, кроме женушки?

Я почувствовала, что силы меня оставили, облокотилась о машину.

– Да уж! Ну и влипла я. Куда мне этого Митьку теперь девать?

Петр Петрович открыл дверцу машины, потряс Митьку за плечо. Тот что-то пробормотал во сне, но глаза не открыл. Петр Петрович тряхнул сильнее – Митька лягнул его ногой и продолжил похрапывать.

– Нализался с горя, – сочувственно сказал Петр Петрович. – Страдает мужик.

– Видимо, придется до утра его тут, в машине, оставить, пока не проспится.

– Нет, Валюш, как-то это не по-людски, – возразил Петр Петрович. – Надо его в дом переправить.

– В дом? Каким образом?

– Жди тут! – сказал он и куда-то убежал.

Я переступила с ноги на ногу, потеряла лицо руками, чтобы взбодриться. Как-то много всего сразу навалилось: внуки и правнуки Петра Петровича, изменщик Митька. Что-то я уже без сил, а мне ведь еще и блины жарить, чемоданы там какие-то разбирать.

Петр Петрович явился обратно, катя перед собой тачку. Позади него шагал тот самый брюнет с крыльца.

– Вот эту коняшку, Борь, нам надо перегрузить на тачку, – деловито сказал Петр Петрович, показывая на человека-зебру. – Поможешь?

Борис хмуро взглянул сначала на Зебру, потом на меня. Захотелось поежиться. Я отвела взгляд, сделав вид, что не имею к Зебре никакого отношения. Вздыхнув, Борис сгреб человека-зебру в охапку и перевалил на тачку. Та жалостно скрипнула.

– Спасибо! – радостно сказал Петр Петрович и стал толкать тачку к калитке, но почти сразу остановился. Почесав темечко, спросил: – А это не страшно, что у него голова так сильно бултыхается? Может, его покомпактней как-то сложить?

Мы с Борисом вместе ринулись к тачке и врезались друг в друга.

– Совсем не смотришь, куда летишь? – сердито спросил Борис, потирая ударенный о мою голову подбородок.

Я не стала отвечать, попыталась сгруппировать почти бездыханное тело Митьки в тачке. Борис грубо схватил меня за плечи и отодвинул в сторону, стал вертеть человека-зебру самостоятельно.

– На бок его положите, – посоветовала я.

– Без тебя разберусь, – буркнул он.

Я вспомнила про мохнатую голову от костюма, вытащила ее из машины, нацепила на Митьку.

– О, правильно, Валюша! Так мы точно не расколем ему черепушку, – одобрил Петр Петрович и снова стал катить тачку вперед. Метров через пять свернутый в букву «зю» Митька опять «развернулся», вытянул ноги вперед.

– Да что ж такое! – ругнулся Петр Петрович, останавливаясь, смахнул со лба пот.

– Давай буду держать его за ноги, а ты кати, – сказал Борис и, встав перед тачкой, подхватил длинные Митькины ноги. – А куда мы его, кстати, катим?

– На террасу, – решил Петр Петрович. – А оттуда на кухню запрем.

– Зачем? – удивился Борис.

– Некогда объяснять, погнали.

Они кое-как докатили тачку к террасе, втащили ее на кухню. Зоя и дети наблюдали за этим действием с огромным изумлением.

– А теперь переваливай полосатика на диван, – распорядился Петр Петрович.

Борис проворно исполнил распоряжение деда, а тот тут же стянул с Митьки голову, прислушался.

– Вроде дышит, – сказал он удовлетворенно. – Вроде при перевозке не пострадал.

Борис сложил руки на груди, облокотился о разделочный стол.

– И зачем тебе дома этот ряженный? – спросил он у деда.

– Ну не бросать же на улице человека, попавшего в трудную жизненную ситуацию, – ответил тот.

– Че-го? – Борис стал мрачнее тучи.

– Это наш с Валею знакомый, – сказал Петр Петрович. – Мы его ненадолго приютили. Вот проспится, приведем его в божеский вид и отдадим в хорошие руки.

– Дед, ты что, решил свой дом в ночлежку превратить? – с вызовом спросил Борис, почему-то таращась на меня.

– Сказал же: это ненадолго, – сердито пробурчал Петр Петрович. – И вообще, от Митьки никаких проблем. Лежит сопит в уголке, есть не просит. Просто не обращайтесь на него внимания.

– Трындец! – сухо констатировал Борис и вышел из кухни.

Глава 3. Борис

Я пару раз плеснул в лицо водой, потом медленно промокнул щеки и лоб полотенцем. Голова гудела, в груди kloкотало раздражение. Отшвырнув полотенце, я вышел из ванной, растянулся на кровати. Перед глазами стояла эта чертова кукла Барби, обосновавшаяся у деда. Я ведь до последнего не верил, что она мошенница. Думал, дед просто новую любовь нашел на старости лет – даму лет сорока пяти с гулькой на голове и вязаньем на коленях. Но нет, жизнь умеет удивлять.

Когда эта чертова Ва-лю-ша вошла во двор, у меня чуть глаза не выпали. На вид ей было лет двадцать. И выглядела она как танцовщица из стриптиз-клуба. Сисястая такая, с упругой задницей, с красивыми загорелыми ногами. На ней были шорты веселенькой расцветки и тонкая майка, обтягивающая грудь. На грудь эту я сначала даже залип, пока не сообразил, кто именно пожаловал.

Вот одного понять не могу: почему при столь шикарных внешних данных эта кукла решила окучивать моего деда, а не кого-то помоложе?

В дверь постучали. Я приподнялся на локте:

– Кто?

– Борь, это я, – раздалось из-за двери.

– Заходи, не заперто.

Ручка двери щелкнула, в комнату вплыла сестра. Несколько секунд она задумчиво озиралась, будто припоминая, зачем явилась, потом посмотрела на меня.

– Ну как? – Ее вид излучал самодовольство. – Убедился, что я не параноик?

– Более чем.

Зоя прошла к окну, присела на подоконник.

– Артистичная девица, – констатировала она, потирая подбородок. – Умеет пускать пыль в глаза. Сейчас прям такая растерянная стояла в саду, ресницами хлопала. Ну прямо ягненок безобидный. Котенок с обочины. Не удивительно, что дед повелся. Он у нас любит страждущим помогать. – Зоя вдруг рассердилась, всплеснула руками. – А я говорила вам: надо ему собаку подарить, чтобы было о ком заботиться. Но вы меня не послушали. Вы никогда меня не слушаете.

– Зоя, не накручивай себя, – взмолился я. – В конце конов, мы уже здесь и скоро все уладим.

– Надо бы узнать, чем эта девица занимается по жизни, – пробурчала Зоя. – Если аптекарша какая-нибудь или химик, лучше быть начеку. – Она выглянула в окно и вдруг оживилась. – О, выползла. Дефилирует между грядок.

Я скатился с кровати, подошел к окну. В саду и правда была Валентина, она ходила вдоль небольшой грядки, собирала огурцы в железную миску. Ее распущенные медно-русые волосы, достигающие почти до лопаток, трепал ветер. Хм, что ни говори, фигура у нее зачетная. Глядя, как Валентина наклоняется к плетям огурца, как натягиваются шортики на ее упругой заднице, я почти мгновенно ощутил приятное оживание ниже пояса. Вот только этого и не хватало, ага – заглядываться на какую-то ушлую дамочку.

Я отвернулся от окна, уставился на Зою.

– Надо ее поручениями загонять, – сказала сестра, – чтобы ей даже приходить сюда не хотелось.

– Слушай, а может, просто дождемся, когда дед уйдет, и припугнем ее, – предложил я. – Чтобы отстала.

Зоя pokrутила пальцем у виска.

– Борь, ты соображаешь вообще, что несешь? Это не цыганка какая-то с рынка. Тут надо быть осторожней. Она, может, диктофон с собой всюду носит, запишет наши угрозы и в полицию побежит. Явно же девка в поисках легких денег. Такая еще и в приставаниях обвинить может. Так что ты это... Осторожней там.

– Ты за кого меня принимаешь? – оскорбился я. – Чтобы я лез к этой... – Я постарался вложить максимум презрения в свои слова. – У меня, знаешь, проблем с женщинами нет. Наоборот, не успеваю отбиваться.

– Да я не о том, – Зоя на пару секунд закусил губу. – Такие, как эта Валентина, сами в постель заташат, а потом шантажируют. Угрожают, что заявят полиции, будто все не по согласию было. В общем, лучше, Боря, не позволяй ей к себе приближаться, сохраняй дистанцию.

Я в ужасе уставился на сестру.

– Зой, по-моему, у тебя слишком бурная фантазия.

Она усмехнулась.

– Вчера ты уже говорил что-то подобное, ага.

– Ну да, – я нахмурился. – Многие твои предположения действительно оказались правдой. Но все же, не перегибай палку.

– Реальность часто превосходит наши опасения, – грустно сказала Зоя. – Вот я, к примеру, не предполагала, что эта Валентина еще и хахаля своего к деду припрет.

– Думаешь, Полосатый – ее любовник? – Я вытаращил глаза. Валентина и чудик в костюме казались мне совершенно несовместимыми.

Зоя пожала плечами:

– Не знаю. Может, и не любовник. Может, просто брат. Или этот, как его? Подельник! – Она подалась ко мне, зачем-то перешла на шепот. – Поэтому, кстати, надо быть осторожней. Возможно, у них тут целая банда орудует. Нам надо затаиться и понаблюдать, выяснить, что вообще происходит и кто в этом замешан.

Мне хотелось застонать. У меня ведь полно работы, у меня важный клиент! Мне надо быстрее разделаться с этой Валентиной и возвращаться в бюро. Но, с другой стороны, я чувствовал, что Зоя права. Какая-то чертовщина творилась возле деда, и пара дней на сбор информации казались совсем не лишними.

– В общем, давай пока так – без лишних движений, – подытожила Зоя. – Сначала наблюдаем, собираем информацию. Делаем вид, будто ни в чем не подозреваем этих мутных людей. Ну и попутно достаем чертову девку поручениями. Надо вымотать ей все нервы, довести до нервного срыва. Надо навсегда отбить ей охоту лезть к чужим дедушкам.

– Хорошо, – немного подумав, согласился я. – Пусть будет по-твоему.

После ухода Зои я попытался немного поработать. Надо было доделать проект освещения для территории небольшого отеля, который заказал нам озеленение еще в июне. Я тупил в монитор минут сорок, но потом все-таки сдался. Меня распирало любопытство, хотелось еще раз взглянуть на Валентину, раздобыть о ней хоть какую-то информацию.

Я захлопнул ноутбук и, выйдя из комнаты, спустился вниз. На первом этаже было тихо, но из кухни доносился звон посуды. Я сразу пошел туда. И не прогадал: на кухне возилась именно Валентина, она что-то мешала в пластиковой миске.

Мое появление застало дедову помощницу врасплох. Она замерла, испуганно уставилась на меня своими огромными глазищами зеленовато-голубого цвета. Вместо шорт и футболки на Валентине теперь был колхозный халатик с рисунком из аляповатых розовых цветов. Он доходил ей почти до колена, полностью закрывал грудь. Такие тряпки обычно продают на всяких зачуханных рынках, они сразу добавляют девушке десяток лет. Интересно, зачем Валентина напялила это убожество? Решила поиграть в скромницу? Ну... получилось. Еще бы волосы собрала в какую-нибудь уродливую гульку и было бы бинго.

Пока я без всякого стеснения разглядывал Валентину, она смущенно потупилась, с преувеличенным энтузиазмом вернулась к готовке. Она явно надумала меня игнорировать. Наверное, решила, что я водички попью и свалю. Наивная.

Подойдя ближе, я увидел, что она сделала салат из помидоров и огурцов и сейчас заправляет его майонезом.

– О, салатик? То, что нужно! – хмыкнул я и выхватил миску из ее рук.

Валентина вздрогнула, с трудом сдержала желание отпрянуть. Закрыв пакет с майонезом, она снова уставилась на меня.

– И бутербродов сделай, пожалуйста, – по-хозяйски распорядился я, присаживаясь за стол. – Я ужас какой голодный.

Несколько секунд Валентина пребывала в растерянности, потом развернулась и, как робот, прошла к холодильнику.

– Бутерброды с беконом подойдут? – еле слышно спросила она.

– А еще что-то есть? – решил покапризничать я.

Она застучала баночками, зашуршала пакетами.

– Есть рыбный паштет, сыр и немного ливерной колбасы.

– Фу, нет. Давай тогда бекон.

Она вытащила из холодильника все необходимое для бутербродов и ушла от меня подальше, к разделочному столу. Я покосился на чудика в костюме зебры. Он лежал на диване в той же позе, в которой я его оставил. Можно было решить, что он там вообще помер, если бы изредка чудик не всхрапывал.

– А можно побыстрее с бутербродами? – пробурчал я. – Чего ты там копаешься?

– Одну минуту, – севшим голосом взмолилась Валентина и стала перебирать руками намного быстрее.

Я с удовольствием закинул в себя еще несколько ложек ее салата. Кажется, она его для себя делала. И вкус у него был прикольный – за счет кучи каких-то травок.

Валентина наконец поставила передо мной тарелку с бутербродами.

– Приятного аппетита, – сказала она сухо и попятилась.

– Спасибо, – промычал я. – И еще чайку мне забавай. Ты что, не понимаешь, что мне бутеры запить надо?

Валентина переменялась в лице, но чаю налила и снова стала делать в углу кухни салат. Видимо, тоже хотела перекусить. Я невольно таращился на нее, не зная, как еще докопаться. А все-таки халат хорошо на ней сидит, красиво обтягивает зад. Так и хочется подвалить и по этому заду смачно хлопнуть. А может, так и сделать? Пусть думает, что я вообще отбитый.

Я уже почти решил, придумал план (пойду типа за солью и по дороге, словно случайно, ухвачу эту стерву за булки), но тут в кухню ввалилась Зоя.

– Ух, как у вас вкусно пахнет! – восхитилась она, принюхиваясь. – Чего жрете?

– Салатиками балуемся, – ответил я. – Вкусно и полезно.

Зоя подошла к Валентине и тоже наглым образом вырвала у нее миску, под села ко мне. Валентина застыла посреди кухни в растерянности. Потом она сделала вид, что вспомнила что-то важное, и попыталась ретироваться, но Зоя тут же прокричала вслед елейным голосом:

– Валюша, стойте!

Валентина сникла, но покорно вернулась на кухню.

– Валюша, вы сейчас не сильно заняты? – На губах Зои появилась фальшивая улыбочка.

– Я хотела полить комнатные цветы, а потом заняться блинами, – отчиталась Валентина.

– Цветы подождут, – сказала Зоя. – А вы лучше погладьте детям вещи. Чемоданы мы разобрали, покидали одежду на диваны. Вы сами там посмотрите, что можно просто убрать в шкаф, а что нужно сначала отпарить.

Валентина кивнула и удалилась. Зоя пару раз ковырнула салат и поморщилась.

– Чего вкус такой странный? – спросила она.

– Не знаю. Но мне нравится.

Она зачерпнула салат из моей миски, попробовала.

– Нет, ну реально же странный. – Зоя нахмурилась.

– Это просто травы, – попытался вразумить я, закатив глаза. – Зоя, не сходи с ума.

– Да мне просто вкус не нравится. – Она подошла к мусорному ведру, вытряхнула салат в него. – Бестолковая девка даже готовить не научилась, а строит из себя...

Швырнув миску в раковину, Зоя подошла к Полосатому, несколько раз похлопала его по щеке.

– Бесплезно, – сказал я. – Лошадь в отключке.

– И хорошо, – промурлыкала Зоя, а потом вдруг стала щупать Полосатого там и сям.

Я уронил челюсть:

– Ты чего делаешь? Изголодалась по мужикам?

– Боря, юмор это не твое. Иди сюда, помоги мне его раздеть.

– Господи, Зоя, зачем?

– Посмотрим, может у него с собой какие-то документы.

Зоя проворно расстегнула костюм, стала стаскивать его с мужика. Я ощутил испанский стыд: дичь творила сестра, а провалиться сквозь землю хотелось мне.

– Зоя, прекрати. Перестань немедленно.

– Ой, все! – дернув плечом, буркнула она. – Сиди, сама справлюсь.

Зоя стащила с мужика костюм, положила его на край дивана. Под костюмом у Полосатого были только трусы веселой расцветки – с рыбками.

– Ничего нет, – разочаровано констатировала Зоя.

– Уверена? Может, у него в трусах потайной карман, – саркастично подсказал я. – Проверь.

Сестра схватила с дивана маленькую подушку, запустила в меня. Это у нее с детства такая привычка – швырять в людей посторонние предметы. Рука у нее набита, но тут мне все-таки удалось увернуться. Подушка просвистела у виска и бухнулась на пол.

– У него наколки какие-то странные, – задумчиво сказала Зоя. – Наверное, только с тюряги откинулся.

– Воу-воу, полегче, ты где таких слов нахваталась? В родительских чатах?

– Ну сам посмотри: на груди у него летучая мышь и паук, на плечах какие-то звезды. Это явно что-то значит. – Она достала из кармана джинсов телефон, сделала пару фото. – Я позже посмотрю в интернете и точно скажу, за что этот крендель срок мотал.

– Да ты прямо мисс Марпл, – не удержался от шпильки я. – Надо было тебе после школы не в аграрный университет идти, а в юридический.

Я наконец доел салат и, собрав посуду, подошел к раковине. Сгрудив тарелки, я на автомате открыл воду, налил на губку «Фери».

– Борь, ты идиот? – Зоя подскочила ко мне и тут же закрыла кран, сделала большие глаза.

– Что такое?

– Не вздумай мыть посуду, – прошипела она. – Ты забыл про наш план? Мы наоборот должны по максимуму свинячить и создавать проблемы.

– Точно! – опомнившись, хмыкнул я.

Зоя закинула в раковину еще несколько чистых тарелок и, недолго думая, приволокла из холодильника кетчуп, надавила его на тарелки.

– Вот так надо, – с чувством глубокого удовлетворения сказала она. Потом, немного подумав, еще и на разделочный стол кетчупом капнула. Затем, оглядевшись, брызнула на пол. Кухня стала напоминать место убийства.

Я быстрее выхватил у Зои бутылку с кетчупом:

– Ну все, хватит. Не увлекайся.

– Блин, я не поняла: ты приехал помогать или вставлять палки в колеса? – Зоя прямо рассвирепела.

– Я не против помочь, но перегибать не надо. Иначе все будет выглядеть слишком нарочито и подозрительно.

– Да ты просто тюфяк, Боря. Вот и все. У тебя кишка тонка ответить злом на зло.

– Вовсе нет. Когда надо, я могу быть жестким.

– А-ха-ха, смешно, – с каменным лицом произнесла Зоя и, махнув на меня рукой, вышла из кухни.

Я с тоской покосился на пятна кетчупа и гору чумазой посуды, в груди свербело, рука так и тянулась к губке. Я просто физически не переношу бардак, не перевариваю.

Полосатый снова всхрапнул – протяжно так, громко. Я взглянул на него, и мыть посуду все же расхотелось. Возможно, Зоя права, и Полосатый на самом деле только после отсидки. Кстати, лучше нам не трепаться рядом с ним, мало ли. Может, у него артистизм зашкаливает, и он только притворяется спящим.

Чертыхнувшись, я быстро вышел из кухни.

Я немного побродил по саду, оценил состояние деревьев. Почти все выглядели неплохо: видимо, дед не забывал моих рекомендаций, обрезал и опрыскивал все строго по графику. Пока была жива бабушка, садом занималась она. Пять лет назад ее не стало, и дед бросил все силы на то, чтобы освоить премудрости садоводства. Он хотел сохранить бабушкин сад в память о ней. Поначалу все у него шло из рук вон плохо, но теперь дед справлялся на «отлично».

Вернувшись в комнату, я снова раскрыл ноутбук, надеясь закончить работу, но почти сразу ко мне опять влетела Зоя. Не говоря ни слова, она подлетела к шкафу и, бесцеремонно распахнув его, стала копаться в моей одежде.

– Кхе-кхе, – попытался привлечь внимание я, но безрезультатно.

Зоя почти полностью залезла в шкаф, зашуршала тряпками. У меня возникло ощущение, что она пытается там себе гнездо обустроить, но нет. Через минуту Зоя вытащила из шкафа почти все мои рубашки, перевалила на диван.

– Вот, – сказала она, сдувая с лица непослушную прядь волос. – Неси.

– Куда?

– Этой! – Зоя пренебрежительно дернула плечом. – Пусть и твои шмотки заодно погладит.

– Да я и сам могу, – пробурчал я.

– Еще чего! Неси поварешке.

– Куда?

– Поварешке! – Зоя закатила глаза, будто я спрашивал очевидное. Потом присела рядом. – Я расспросила деда, оказывается, его помощница работает поваром-кондитером в какой-то шарашке.

– Тогда она не Поварешка, а Кондитерка, – хмыкнул я.

– Поварешка! И Гладилка, – мрачно возразила Зоя. – Бери тряпки и тащи ей, она окопалась в комнате напротив дедовской.

– Ага, отнесу. Чуть позже. Сначала мне надо закончить с одним чертежом.

– Борь, ты опять решил жевать сопли? – На ее лице вдруг проступила нездоровая подозрительность. – А может, ты уже и симпатией к Поварешке проникся? Она на кухне рассказала тебе о своей несчастной жизни, похлопала ресничками – и ты все, готовенький?

– Ты чего несешь?

Зоя закатила глаза:

– Нет, ну почему вы, мужики, такие идиоты? Перед вами задницей вильнешь разок – и все, приехали: мозги отключились, кровь отлила от головы.

– Не выдумывай. Я не падок на колхозных барышень.

– Ага, Тимур тоже так говорил, – Зоя слегка побледнела. – Да вот только фото от тайного доброжелателя эти слова опровергли.

– Не надо меня сравнивать со своим бывшим мужем.

Зоя ссутулилась, вздохнула.

– Ладно, я сама отнесу Поварешке твои рубашки. Ничего страшного.

Я скатился с кровати, отодвинул Зою в сторону:

– Все, уймись. Сам отволоку эти чертовы рубашки.

Она с трудом сдержала торжествующую улыбку.

Я сгреб рубашки с кровати, пошел вниз. Внутри все клокотало. Признаться, Зоя в последнее время уже порядком подбешивала. С тех пор, как она поймала своего мужа на измене, ее будто подменили. Из жизнерадостной женщины она превратилась в склочную стерву. Теперь по любому поводу твердит, что все мужики – козлы. Нет, я понимаю: измена ранит. Но все же надо отпустить обиды и идти дальше, искать свое счастье.

Дверь в комнату напротив дедовской оказалась закрыта, сначала я хотел постучать, но потом решил, что Зоя права: надо быть наглей и жестче. Толкнув дверь плечом, я ввалился в комнату без предупреждения. Валентина стояла у окна, гладила какую-то розовую футболку. Мое внезапное появление заставило ее вздрогнуть.

– Мне тоже надо кое-что пройти утюгом, – ленивым тоном сообщил я и перевалил свои рубашки на гладилку. – Все так помялось – ужас! А вроде аккуратно складывал.

Валентина смерила меня ледяным взглядом, но ничего не сказала. Я огляделся. Комната, в принципе, не особо изменилась после появления этой проходимки в дедовском доме. Лишь на подоконниках и тумбочке добавилось несколько картин, да на спинке старого дивана теперь лежал красивый лоскутный плед. Я по-хозяйски плюхнулся на диван, подцепив с тумбочки одну из картинок, стал разглядывать.

Глава 4. Валентина

Какой мерзкий парень! Просто средоточие снобизма и наглости. Вот уж подумать не могла, что у Петра Петровича такой стремный внук. Вообще, он много о нем рассказывал. И только хорошее. Якобы двадцать лет назад, пока остальные пацаны скакали по крышам и подворотням, «чудесный Боречка» ходил в художку и выращивал дома лимоны. Повзрослев, этот же Боречка вроде как чурался пьянок, налегал на учебу и разъезжал по стажировкам. Слушая рассказы Петра Петровича о внуке, я все время представляла себе такого худошавого интеллигента в очках и шарфе. А оказалось, Боречка у нас небритое чудовище с нахальными глазами. М-да, родственная любовь слепа.

Мало того, что «чудесный Боречка» ввалился ко мне без стука, так теперь он еще тут все лапает без разрешения. У него хоть руки-то чистые? Или он масляными от бекона пальцами вцепился в мою любимую картину?

Внутри меня все заклокотало. Я даже губу закусил, чтобы не ляпнуть чего-нибудь грубого. За эту картину я в свое время отвалила половину зарплаты. Я всегда берегла ее как зеницу ока. На ней была изображена очаровательная итальянская кафешка у моря. Ничего пафосного, просто несколько столиков, цветные зонтики, лианы с ярко-розовыми цветами. А позади кафе – густой лес из мачт пришвартованных рядом яхт. Увидев эту картину на барахолке, я мгновенно в нее влюбилась. Кафе на ней напоминало кондитерскую моей мечты. Мне ведь хочется открыть такое место, куда люди будут приходить не только поесть. Мне хочется, чтобы моя кондитерская дарила людям ощущение праздника.

– Симпатичная мазня, – протянул Борис, наконец возвращая картину на место. – В Италии прикупила?

Я вздохнула. Где я и где Италия? До переезда в Анапу я дальше родной области не ездила. У меня и загранпаспорта-то нет. Зачем он мне, если денег у нас всегда было только на отдых у местной речки? Но посвящать «чудесного Боречку» в свой скудный жизненный опыт не хотелось. Я молча переложила его рубашки на стул, снова взялась за утюг.

– Я четыре года назад провел лето в Апулии, – похвастался Борис. – А в том году изъездил на скутере все побережье Амальфи. Кстати, если ты там еще не бывала, обязательно заскочи как-нибудь. Рекомендую.

Я невольно покосилась на него. Он сидел, наклонив голову набок, внимательно меня разглядывал. В его взгляде читалась насмешка. Он явно догадывался, что Италию я видела только по телевизору. Вот же самодовольный индюк! Ничего-ничего, я когда-нибудь и путешествия смогу себе позволить. Я буду много-много работать, буду крутиться...

– Я, может, и на новогодние праздники поеду в Италию, – мечтательно протянул Борис. – В Рим. Правда, друзья меня еще в Ниццу зовут в это время, но мне там что-то не особо нравится.

Почему-то захотелось его чем-нибудь стукнуть. Наверное, это классовая ненависть.

– Чего такая неразговорчивая? – тут же уколол Борис. – Настроение плохое?

Стараясь устроиться на диване удобней, он разгреб гору диванных подушек. Из-под одной из них на пол выпал мой блокнот с совушками (а я-то гадала, куда его засунула!). Борис подхватил блокнот, стал стягивать резинку, чтобы заглянуть внутрь. В душе у меня все перевернулось, я отставила утюг, подлетев к дивану, попыталась забрать блокнот у Бориса. К несчастью, тот оказался проворней, спрятал его за спину.

– Отдайте! – процедила я, грозно нависая над ним. – Разве вас не учили, что трогать чужие вещи – некрасиво?

Наши взгляды скрестились. Его был полон нахальства.

– Откуда мне знать, что это твое? – с вызовом спросил Борис. – Может, это деда?

– Сейчас это моя комната. Ваш дедушка разрешил мне ее занять. И все вещи здесь мои. Кроме мебели.

– А у тебя неплохая грудь, – вдруг заявил он. – Своя?

Захотелось отвести ему пощечину, но я сдержалась. Все-таки в этом доме прав у него было больше, чем у меня. Я сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, потом протянула ему раскрытую ладонь.

– Отдайте, пожалуйста, блокнот!

– А что там? – Он приподнял одну бровь. – Дневник? Стишочки собственного сочинения?

– Там записи, нужные мне для работы.

– Да не нервничай ты так. Мне твои каракули без надобности. – Он нарочно неторопливо вытащил блокнот из-за спины. – Держи!

На мгновение показалось, что в последний момент он решит подшутить и снова уберет блокнот за спину, но этого не произошло. Схватив блокнот, я сразу попросила:

– А теперь покиньте, пожалуйста, мою комнату.

– В смысле?

– Вы мешаете мне работать. Вы меня отвлекаете.

– Вообще-то я ожидаю свои рубашки, – он сидел, не двигаясь, продолжал беззастенчиво пялиться на мою грудь.

– Я примусь за ваши рубашки только минут через двадцать, – сообщила я. – Сразу после того, как закончу с вещами детей. Вам нет смысла тут торчать. Когда я поглажу вашу одежду, я тут же принесу ее к вам в комнату.

Он задумался на несколько секунд, потом с ухмылкой мотнул головой.

– Нет, не подходит. Рубашки у меня недешевые, а ты запросто можешь их испортить. Лучше я посижу здесь, все проконтролирую.

Я представила, как он таращится на меня следующие минут сорок, и чуть не застонала. Это теперь вот так всегда будет? Я на такое не подписывалась.

– И все-таки я еще раз прошу вас уйти, – сказала я. – Мне на самом деле мешает чужое присутствие.

Он явно собрался возразить, но тут у него зазвонил телефон. Достав его из кармана джинсов, Борис мазнул взглядом по экрану, нахмурился.

– Ладно, уговорила: пойду к себе, – произнес он, быстро подымаясь с дивана. – Но ты осторожней давай, не прожги там чего-нибудь.

– Я буду крайне аккуратной, – пообещала я сквозь зубы, а потом мысленно сгрудилась все его рубашки в кучу и подожгла.

Закончив с вещами детей, я быстро погладила рубашки Бориса, повесила их на вешалки. А потом села на диван и минут пять собирала волю в кулак, чтобы отнести рубашки их хозяину.

Борис пробыл в доме всего несколько часов, но уже жутко меня бесил. Бесил одним только видом. Врать не буду: он был удивительно хорош собой, но это вечно самодовольное выражение на его лице все портило. У него постоянно был такой вид, будто он считал меня кем-то вроде рабыни. Впрочем, и его сестрица тактом не отличалась. Всю дорогу говорила со мной сквозь зубы, корчила из себя потомственную аристократку.

Я вздохнула. Нет, не надо себя накручивать. Все-таки мы с Петром Петровичем так и уговаривались: я живу у него на правах помощницы по хозяйству. А значит, надо заткнуть собственную гордость и терпеливо выполнять все, что приказывают. Даже если мне не нравится тон и выражение чьих-то лиц. В конце концов, я тут несколько месяцев прохлаждалась, пора бы и послужить Петру Петровичу верой и правдой.

Подхватив вешалки с рубашками, я вышла из комнаты. В доме было тихо, наверное, дети до сих пор резвились в саду. С легкостью взлетев на второй этаж, я решительно постучала в дверь комнаты, которую теперь занимал Борис. За ней не раздалось ни шороха. Я выждала немного, потом постучала еще. За дверью по-прежнему была тишина. Наверное, внук Петра Петровича забыл про рубашки и куда-то свалил. Ну и прекрасно! Я собралась развернуться на пятках, но в этот момент дверь в комнату распахнулась.

В проеме появился Борис. Он был в одном полотенце, которое довольно неуверенно держалось на узких бедрах. Я не ожидала увидеть его в таком виде, потому растерялась, уставилась на него, как какая-нибудь деревенская кумушка. Тело у Бориса выглядело шикарно. Такие обычно фотографируют для рекламы спортзалов: мускулистые ноги, подтянутый пресс, выдающиеся бицепсы. Черт, да он просто ходячий тестостерон!

Щеки у меня предательски порозовели.

– Не прошло и полгода, – хмуро протянул Борис, открывая дверь шире и отступая, чтобы я могла пройти. – Надеюсь, хоть качество не хромает.

Он явно только что ходил в душ. Волосы у него были мокрые, по его широким плечам и мускулистой груди, покрытой темной порослью, стекали капли воды.

Я не рискнула перешагивать через порог, отведя взгляд в сторону, протянула Борису рубашки. Ужасно не хотелось, чтобы он заметил охватившее меня смущение.

– Сама повесь! – буркнул Борис. – У меня руки мокрые.

Помявшись пару секунд, я все-таки вошла. Вот только ноги почему-то сразу стали ватными. Я кое-как дотопала до шкафа, распахнув дверцы, стала аккуратно развешивать рубашки. В шкафу еще хватало одежды, потому мне пришлось сдвигать все, чтобы втиснуть принесенные вещи. Так получилось, что я ненароком смахнула пару футболок с вешалок. Мысленно чертыхнувшись, быстро все подняла, стала натягивать обратно.

– Чего ты там копаешься? Нашла что-то интересное? – Борис возник рядом, словно из воздуха, надвинулся сзади, почти втолкнул меня в шкаф.

– У вас тут беспорядок, – ответила я, не оборачиваясь. – Я пытаюсь разместить вещи более рационально.

От близости его тела почему-то стало жарко, во рту пересохло.

– Оставь все как есть, – хрипло сказал он.

Его дыхание обожгло кожу у меня на шее, по спине побежали мурашки.

– Не волнуйтесь, больше ничего не трогаю. – Я развернулась, чтобы уйти, но Борис не посторонился. Наоборот упер руки в дверцы, полностью загородив проход.

– Погоди.

Он был выше меня сантиметров на пятнадцать, но сейчас наклонился, и наши лица оказались близко-близко.

– Можешь еще кое-что для меня сделать? – вкрадчиво спросил Борис, пристально глядя мне в глаза.

Внутри у меня все обмерло. Я решила, что он собрался домогаться. Сейчас скинет полотенчику и... Он же еще в моей комнате странно пялился, плел что-то про грудь. Мне уже тогда стоило напрячься, а я, дурында, пропустила все «звоночки» мимо ушей.

На секунду я зажмурилась от ужаса, стала лихорадочно вспоминать все, что знала по самообороне. Кажется, надо ударить в пах коленом. И вроде еще кулаком по переносице можно: это довольно больно. Но, блин, как мне тут орудовать конечностями, если он почти вжал меня в шкаф?

– Я шампунь забыл взять с собой, – пожаловался Борис. – Можешь купить?

Я подумала, что ослышалась, открыла глаза.

– Шампунь?

– Да, и еще гель для душа. Мой скоро закончится.

– Ладно, – сглотнув, ответила я. – А какие надо?

– Да любые. Просто выбери что-нибудь подороже. Я тебе сейчас денег дам. – Он наконец отодвинулся, прошел к стоящей на столе сумке, достал оттуда пяти тысячную купюру. – Вот, держи. Только не забудь.

– Завтра прямо после работы заскочу в супермаркет. – Я быстро убрала его купюру в карман, попятилась к двери. – Я пойду?

– Ага, иди. – Он как будто полностью потерял ко мне интерес, отвернулся к окну.

Я выскочила в коридор и шумно выдохнула. Фух! Чуть не вляпалась. Чуть не покалечила мужика на ровном месте. Идиотка. Вот какого фига я решила, что он будет помогать? У него, наверное, девушек вагон, и все как одна модели.

Дверь за моей спиной вдруг открылась.

– О, ты еще здесь? Отлично! – раздался голос Бориса. – Я только что вспомнил, что и мочалку не прихватил. Мочалку тоже купи.

Я обернулась с натянутой улыбкой.

– Какую именно брать? Подороже?

– Пожестче, – медленно отчеканил он, прожигая меня взглядом. – Я люблю жестче.

– Хорошо, – пробормотала я и, отведя глаза, поспешила смыться.

Убрав утюг и гладильную доску в кладовку, я ощутила полный упадок сил. Устала я, скорее, не физически, а морально: слишком много неприятных происшествий произошло в один день. Да и будущее как-то тревожило. В голове крутились вопросы, на которые я не знала ответов. Надолго ли приехали эти неприятные гости Петра Петровича? Куда девать бездомного Митю? Как вести себя, чтобы в комнату ко мне не врывались без стука?

Так как утром я ездила на подработку и встала рано, мне невыносимо захотелось спать. У меня даже челюсть начало сводить от постоянного зевания. Да вот только такую роскошь, как сон, я пока не могла себе позволить, ведь мне еще требовалось нажарить блинов.

Я умылась ледяной водой, чтобы хоть немного взбодриться, и решительным шагом отправилась на кухню. Там я обнаружила, что Митя дрыхнет на диване в одних трусах. Интересно, зачем он снял костюм? В кухне работал кондиционер, было совсем не жарко. Я сбегала в комнату за пледом, накрыла Митю, чтобы не смущал никого обнаженкой. Все-таки в доме были дети.

Потом я обнаружила, что внуки Петра Петровича устроили на кухне бардак – пришлось еще некоторое время потратить на уборку. Но вот наконец я сделала тесто для блинов и, поставив на плиту сразу две сковороды, приступила к жарке. Мне даже показалось, что за час я управлюсь и смогу наконец лечь спать.

– А вы знали, что пауки время от времени линяют? – раздалось из-за спины.

От неожиданности я подпрыгнула чуть ли не до потолка. Обернувшись, увидела рядом с собой Мишу – правнука Петра Петровича. Он с упоением ковырял в носу и глазел на Митю, который уже скинул с себя плед.

– Извини, что ты сказал? – обескуражено переспросила я, ринувшись возвращать плед обратно на Митю.

– Пауки покрыты хитиновым панцирем, он мешает им расти, – выпалил Миша, следуя за мной. – Во время линьки пауки сбрасывают этот панцирь и увеличиваются в размерах.

– Замечательно! – пробормотала я, потрепав его по волосам. Я просто не знала, как реагировать на эту его лекцию.

– Маленькие пауки линяют два раза в месяц, а большие – раз в год, – с еще большим энтузиазмом продолжил вещать Миша. – Большим паукам надо несколько часов, чтобы вылезти из старого панциря.

От сковородок пошел легкий дымок, я бросилась обратно к плите. Быстро сняв почерневшие блины, налила на сковороды новую порцию теста.

– Я очень хочу вживую увидеть, как линяют пауки, – со вздохом произнес Миша, садясь за стол. – Я только по телевизору видел несколько раз. По телевизору не интересно. – Он задумчиво покачал ногой. – Вообще я просил папу и маму подарить мне на день рождения птицееда, но они подарили мне какой-то противный конструктор. – Миша вдруг насупился. – Дурацкие взрослые! Вот зачем они тогда спрашивают всегда, что подарить? Если все равно не слушают?

– Я уверена, они не хотели тебя расстроить. Просто за птицеедом нелегко ухаживать, – сказала я. – А ты еще маленький.

– Ничего я не маленький, – обиделся он. – Я осенью уже в школу пойду.

Я только сейчас заметила, что Миша уже в пижаме, на ней была нарисована целая куча маленьких паучков.

– А почему ты не спишь? – спросила я, взглянув на висящие в углу кухни часы, те показывали половину одиннадцатого.

– У меня бессонница, – глубокомысленно заявил Миша. – А еще я хочу есть. Вы же дадите мне блинов?

– Да, конечно! – Я скорей схватилась за лопатку, быстро перевернула очередную партию блинчиков. – Сейчас новые подспеют как раз, прошлые подгорели.

Соскочив со стула, Миша подбежал ко мне и, схватив с тарелки один из подгоревших блинов, затолкал в рот. Я только руками всплеснула, а он уже помчался к Мите, который опять спихнул с себя плед.

– Смотрите, на нем паук нарисован! – восторженно заявил Миша, прожевав блин. – Очень красиво.

– Наверное. – Я снова побежала укутывать Митю в плед и опять спалила блины.

Миша куда-то смылся, но я на всякий случай выкинула все сторовшие блинчики. Не хватало, чтобы мальчишка и их случайно слопал.

Минут десять спустя на кухню притопал Петр Петрович, увидев меня, глубокомысленно пошевелил седыми бровями.

– Чего это ты затеяла? – спросил он с укором.

– Блины жарю, к завтраку. Зоя же попросила.

– Ой, не надо ее слушать, – Петр Петрович поморщился. – Тоже мне заказчица нашлась. На завтрак можно бутербродов поесть или булочек из пекарни по соседству. Никто у нас в семье отродясь плотно не завтракал. Сама Зоя, сколько ее помню, одним кофе всегда ограничивалась по утрам. У ней же фигура, она за ней следит. Ты лучше супа свари, на обед.

– Э... ладно. – Я слегка растерялась, потом тряхнула головой. – Но не выливать же тесто. Сначала все-таки блины дожарю, а потом возьмусь за суп.

Я сняла на тарелку очередную партию блинов, быстро смазала их маслом.

– Пахнет, конечно, вкусно, – протянул Петр Петрович. Сделав круг по кухне, он подошел ко мне, подцепил с тарелки один из блинов.

Снова прибежал Миша.

– Смотрите! – воскликнул он, задирая футболку. – Нравится?

На груди у него теперь был нарисован огромный паук, слегка кривой, конечно, но узнаваемый.

– Что это? – спросил Петр Петрович.

– Татуха, – гордо пояснил Миша, махнул ладошкой в сторону Мити. – Как у этого.

Петр Петрович подхватил с тарелки еще один блин:

– Это ты фломастерами нарисовал?

– Ага, – Миша тоже ухватил блин. – Я хочу еще паутину на ноге нарисовать, но попозже.

– А мама ругаться не будет?

– Может, и будет. – Миша равнодушно пожал плечами.

Петр Петрович сделал себе и правнуку чаю, они сели за стол и стали методично подъедать мои блины. Жевали они намного быстрее, чем я жарила. Мне даже интересно стало, когда же они уже наедятся и перестанут набрасываться на каждый блин как саранча.

Прошло минут двадцать, Петр Петрович отодвинулся. Еще через десять минут он обратился к правнуку:

– Миш, ты бы не объедался так. Как бы у тебя живот потом не заболел.

– Не заболит, дедуль, не волнуйся. Я однажды целую палку колбасы съел, и у меня совсем ничего не болело. Только рвало потом немножко, но недолго. И, скорее всего, это из-за горошка, который я после колбасы ел.

Петр Петрович занервничал:

– Так, Миш, тебе точно хватит.

– Я прям только два блинчика еще съем и все, – жалобно пискнул Миша, но, конечно, съел не два, а четыре.

Когда он демонстративно отнес свою тарелку в раковину, на кухню пришла Настя, Мишина сестра.

– Чем это у вас так вкусно пахнет? – недовольным голосом спросила она. Заглянув в сковородки, Настя тут же достала себе огромную тарелку. – О, я тоже хочу блинов.

Аппетит у нее был хороший, в минуту она умудрялась поглощать столько же блинов, сколько ранее съедал Петр Петрович вместе с Мишей. А еще Настя поедаемые блины успевала фотографировать и, кажется, даже сняла с ними пару видео.

Когда Настя вроде бы наелась, она стала внимательно разглядывать получившиеся фото.

– Даже не знаю, что мне оставить, а что удалить, – вздыхала она. – Я везде ужасно классная, совершенно неясно, как выбирать.

– Ну и оставь все, – предложил Петр Петрович.

– Не могу, – хныкнула Настя. – Память забита.

Миша забрал у нее телефон и несколько минут тщательно пролистывал фото.

– Какая-то лажа у тебя получилась, – в конце концов, подытожил он. – Можешь все удалить.

– Дурак, что ли? – оскорбилась Настя.

– Просто у тебя фантазии нет, – попытался объяснить Миша, поправляя очки. – Вот я бы, на твоём месте, лучше сделал фото с блином вместо лица. Помнишь, мы такое видели в интернете?

– Точно! – Настя аж вскочила.

Схватив очередной блин, она проковыряла в нем дырки для глаз и рта, а потом налепила блин на лицо как маску.

– Дедуль, сфоткай меня! – Настя вручила телефон Петру Петровичу, встала у окна.

– Мне тоже нужна такая фотка! – закричал Миша с завистью.

Он быстро сделал себе аналогичную маску, нацепил ее под очки. В итоге дети устроили целую фотосессию: снимались и по отдельности, и вместе, за столом и под ним. Миша еще достал из холодильника всякого: кабачки, баклажаны, яблоки, стал использовать их как дополнительный реквизит. Из-за возникшей суматохи, Настя случайно разбила банку с вареньем, а Петр Петрович рассыпала горох. Тот разлетелся по всей кухне. Само собой, мне пришлось оторваться от плиты, чтобы прибраться.

Наконец дети выдохлись, сели передохнуть, Петр Петрович налил им чая. Миша и Настя на автомате съели еще по паре блинов. Вид у обоих стал оловянный, и я подумала, что вот сейчас они точно уйдут спать. Но нет, Миша вдруг сказал:

– Дедуль, а давай мы и тебе тоже сделаем маску из блина, сфотографируемся все вместе?

Петр Петрович сначала воспринял эту идею в штыки, но потом, после долгих уговоров, все-таки согласился. Он сделал новый комплект масок из блинов для себя и детей, и следующие минут сорок фотографом пришлось быть мне. Вообще, это было довольно весело, я даже немного взбодрилась. Правда, при съемке пострадала куча блинов, пришлось их выкинуть. Еще пострадал мой фартук, о который Миша несколько раз случайно вытер руки, и ковер у дивана, на который упала Настя, предварительно не сняв блин с лица.

– Ну все, дети, пора закругляться, – наконец сказал Петр Петрович, отскабливая ошметки блина от ковра. – Уже давно за полночь. Если ваша мама узнает, что вы выбились из режима, мне несдобровать.

– Не узнает, – заверил Миша. – Она крепко спит, а мы проберемся к себе на цыпочках.

– Вы, главное, и утром не проболтайте про нашу вечеринку.

– Не проболтаемся, – с важным видом пообещала Настя. – Мы умеем хранить секреты.

– Очень на это надеюсь, – сказал Петр Петрович. – Мамка у вас шибко строгая. И меткая. Так что вы уж не подводите меня. Что бы ни случилось, держите язык за зубами.

Дети убежали на второй этаж, Петр Петрович ушел к себе. Я быстро дожарила остатки теста. Получилось только четыре блинчика. Я переложила их в контейнер и занялась супом. К счастью, в холодильнике имелся фарш – я налепила фрикаделек и сделала бульон с ними. Если бы мне сейчас пришлось варить мясо на косточке, я бы точно чокнулась.

Нелегко все-таки, когда у тебя сразу несколько «господ». Одним суп подавай, другим блины, третьим... мочалку. Да еще и за зеброй надо присматривать. И ведь никому не приходит в голову, что каждое поручение требует уйму времени.

Я еще раз умылась ледяной водой и стала нарезать овощи.

После двух часов суп был готов, и я наконец пошла к себе. Правда, совсем не помню, как добралась до дивана. Скорей всего, я заснула еще на пути к нему. От усталости мне даже и не снилось ничего.

Когда в половине седьмого зазвонил будильник, я почувствовала себя зомби. Голова гудела, я с трудом оторвала ее от подушки. Ощущения, в общем, были такие, будто меня самосвал переехал. Раза четыре.

Я кое-как приняла душ и умылась, а завтракать вообще не решилась. Только сбегала на кухню проверить, дышит ли человек-зебра. Тот дрых, как младенец, улыбался во сне. Я поправила ему плед и быстрее покинула кухню. Мне казалось, что стоит хоть немного там задержаться, как сразу набегит толпа с поручениями. Одним снова понадобится что-то погладить, другим захочется каких-нибудь сырников.

Переодевшись, я на цыпочках пробралась к выходу и выскользнула во двор. Еще никогда я не спешила на работу с таким удовольствием.

Глава 5. Борис

Утро началось странно. Обычно я просыпаюсь уже со списком дел в голове, с кучей идей по работе. А в этот раз, когда открыл глаза, в голове была только одна мысль: «Как же одуряюще пахнут ее волосы».

Некоторое время я продолжал лежать в постели, прокручивал в голове прошлый вечер. Вспоминал, как вчера Валентина принесла мне рубашки. Я ведь хотел еще подействовать ей на нервы, даже повод нашел для выволочки – плохо отглаженный воротничок. Но все пошло не по плану.

Я подвалил к Вале, когда она копалась в шкафу, придвинулся вплотную. И вдруг ужасно зашелся. За секунду. Валины волосы оказались у моего лица. Я вдохнул их аромат, и мне вдруг мучительно захотелось вжать ее в себя, пробежаться руками по ее бедрам, поцеловать в шею. Я вообще не ожидал, что мое тело так остро отреагирует на какую-то проходимку. Я ведь давно не наивный пацан, не подросток.

Гребаная физиология! Даже вспоминая, как Валя стояла рядом со мной, я ощутил возбуждение. Все-таки Зоя права: мы, мужики, те еще кобели, заложники низменных инстинктов.

Вздохнув, я скатился с кровати. Умылся, оделся, спустился вниз. Чудаковатый мужик, которого дед приютил вчера, был на месте, точнее на диване. По-прежнему дрых. Но сейчас он напоминал какую-то бабочку в коконе, потому что был укрыт пледом. Я задержал взгляд на последнем, и в груди будто царапнуло. Это был Валин плед, из ее комнаты. Она укрывала этого чепушилу, чтобы, видимо, не продрог под кондеем.

Неужели Зоя права, и он – любовник Валентины? Мерзость! Даже представлять не хочу, как Валя тискается с этим кренделем. Сколько ему лет? Сорок? Так сразу и не понять: вид такой, будто жизнь его изрядно потрепала.

Я подошел к дивану, чтобы внимательней разглядеть гнусную морду Полосатого. И вдруг, как молнией, меня пронзила новая мысль: а может, Валя тоже жертва, как и мы? Может, она нормальная девчонка, просто связалась вот с этим упырем, а тот ей мозги запудрил? Ну явно же именно он у нас лидер криминальной ячейки. Так часто бывает: ушлые мужички используют наивных дур в своих мутных схемах.

Меня захлестнула ярость. Захотелось стащить упыря с дивана и вытрясти из него всю правду. Я наклонился, чтобы стянуть с него плед, но тут за спиной раздалось:

– Дядь Борь, а мы на море пойдем?

Это было крайне неожиданно. Оглянувшись, я увидел на пороге кухни Мишу. Он зевал и тер глаза.

Я взглянул на часы, висящие на стене. Они показывали без пятнадцати восемь.

– Слушай, так ведь еще рано, – сказал я. – Мама вас, наверное, после завтрака отведет на пляж.

– Я не хочу с мамой, – возразил Миша. – Мы с папой всегда одни ходили по утрам. Папа говорит, только на заре вода такая прозрачная, что можно крабов разглядеть на дне. – Он подошел ближе, повис на руке. – Дядь Борь, давай сейчас сходим? Вдвоем.

Взгляд у него был жалобный, и у меня дрогнуло сердце. После развода родителей Мише явно не хватало общения с отцом.

– Хорошо, давай сходим на пляж, – сказал я. – Только ненадолго.

Дедов дом располагался в десяти минутах ходьбы от моря. Когда была жива бабушка, летом в доме постоянно кто-то гостил: тетка из Мурманска, дядька из Ухты, троюродные племянники с Алтая. Бабуля всегда отличалась гостеприимством: принимала и родственников

друзей, и друзей родственников. Угощала всех своим вареньем и пирогами, а детей обязательно подкармливала фруктами из сада.

Мы с Мишей прошли к морю тем же путем, каким в детстве ходил я. Меня вдруг охватила ностальгия. Вспомнилось, как я пацаном спал в саду на раскладушке, как колесил по Анапе на велике. Зоя права: дедов дом это не просто старая развалюха, с ним связана куча воспоминаний.

Я собирался немного поработать на пляже, но просто не смог: побежал в воду следом за Мишей. Минут пятнадцать мы с ним брызгались и дурачились, потом стали плавать туда-сюда. Вода была отличная, почти без водорослей. Мы даже не заметили, как пролетел целый час.

Домой вернулись уже после девяти. На крыльце нас встретила Зоя.

– Ну слава богу, нашлась пропажа! – воскликнула она. – А мне тут уже мысли нехорошие в голову стали закрадываться.

В животе у Миши протяжно заурчало.

– Не завтракали? – Зоя нахмурилась. – Пойдемте тогда на кухню, покормлю вас чем-нибудь.

Мы без разговоров последовали за ней. Аппетит и правда разгулялся не на шутку.

Войдя на кухню, я, первым делом, взглянул на диван. Любовника Валентины там больше не было. Неужели свалил? Я вопросительно поглядел на Зою, она пожала плечами:

– Не знаю, куда он делся. Когда я спустилась, его уже не было.

Мы с Мишей стали мыть руки, а Зоя принялась инспектировать холодильник. На кухню пришла Настя – заспанная, в пижаме, с взъерошенными после сна волосами.

– М-да, – вдруг протянула Зоя. – Поварешка у нас хороша, конечно.

– В смысле?

Она показала мне маленький контейнер.

– Блинов нам нажарила! – Зоя открыла контейнер, поставила на стол. – Лопайте, гости дорогие.

На дне контейнера лежало только четыре блинчика.

– А больше ничего нет? – спросил я.

– Сейчас яичницу пожарю, не волнуйся. – Зоя выудила из холодильника яйца, встала к плите. – Нет, ну до чего наглая девица! Просто редкостная хамка. Я вчера попросила ее нажарить нам блинов, а она, значит, вот так: каждому из нас по блинчику. Ей кажется, это смешно?

– Зоя, не заводись.

– Что значит «не заводись»? Нам почти в лицо плюнули, а ты все: «не заводись». Эта наглая дрянь нас ни во что не ставит.

– Зоя, выбирай выражения: здесь дети! – Я взглянул на Мишу с Настей. Те выглядели смущенными, затравленно переглядывались.

– Мы должны проучить эту троллиху, – мстительно выпалила Зоя. – Обязательно! Надо только придумать как.

– Вот так, осторожней. Еще чуть-чуть осталось, – раздалось из коридора.

Мы все обернулись к входу в кухню. Прошло секунд пятнадцать, и в дверном проеме показался дед с начинкой зебры на плече – то есть с хахалем Валентины, который вчера наряжался лошастью. Последний теперь переоделся в растянутую майку и шорты, стопа его была перемотана бинтом. Из-за этого бинта он как-то странно хромал. Дед вволок «квартиранта» на кухню, плюхнул на диван.

– Что случилось? – спросил я.

– Митяй на ржавый гвоздь наступил, – пожаловался дед.

– Откуда у тебя дома ржавый гвоздь? – с подозрением уточнила Зоя.

– Так не дома, наверное, – с сомнением ответил дед. – Во дворе, скорей всего.

– А во дворе откуда гвоздь? – еще больше напряглась Зоя. – Тем более ржавый.

– Э... – дед уставился на своего Митяя с любопытством. – Может, дети притащили откуда-то?

– Ничего мы не притаскивали! – обиженно проревела Настя.

Глазки Митяя подозрительно забегали, но потом он собрал их в кучку и пробубнил:

– Да я прям у ворот покалечился. Решил немного пройтись босиком, а тут этот чертов гвоздь.

– И где он теперь? – Зоя уперла руки в бока.

– Слушай, ну чего ты прицепилась к человеку? – возмутился дед. – Прямо допрос устроила. Может, тебе еще и паяльник подать?

– А мне тоже интересно, куда делся гвоздь? – встрял я. – Не хотелось бы, выезжая со двора, колесо проткнуть.

– Я его выкинул! – немного нервно воскликнул Митяй. – Со злости зашвырнул подальше. Но если хотите, схожу поищу.

– Ну куда ты пойдешь! – всплеснул руками дед. – Сиди уже. А лучше приляг, тебе надо больше отдыхать, набираться сил.

Митяй сразу вытянулся на диване, приспособил раненую ногу на спинку.

Зоя сделала мне страшные глаза. На ее лице так и читалось: «Врет он все, на ходу сочиняет». Я был с ней согласен. Но понятия не имел, как доказать это деду.

– Ты яичницу собралась делать? – оживился дед, заметив рядом с Зоей яйца. – На нас тоже готовь. Мы с Митяем жуть какие голодные.

Зою передернуло. Она с мрачным видом разбила яйца в миску, посолив, стала взбалтывать их вилкой, да так яростно, что желтки чуть на стол не повыпрыгивали.

– Зеленушки какой-нибудь добавь, – посоветовал дед. – И сыра еще можно.

– А я с салом яичницу люблю, – мечтательно вставил Митяй. – Сала у вас нет случайно?

Зоины глаза налились кровью. Я испугался, что через секунду сестра швырнет в эту жертву гвоздя чем-нибудь вроде скалки, пробьет ему еще и голову.

– Сейчас посмотрю в холодильнике, есть ли сало – сказал я, вставая. – И зелень поищу. Некрасиво всю готовку на женщину переваливать. Чай, не восемнадцатый век.

– Это да, – сказал дед, включая телек. – Дамам надо помогать.

Он плюхнулся на диван рядом с Митяем, нашел по телевизору футбольный матч. Кухня огласилась криками болельщиков, потому как, видимо, кто-то только что забил гол.

Я покопался в холодильнике. Сала не нашел, но отрыл кусок копченой колбасы и укроп. Мы с Зоей бахнули их в яичницу. Запахло довольно вкусно. Вообще, я редко готовлю: по будням перехватываю что-то в кафе, а в выходные обычно заказываю на дом пиццу или суши. Но тут мне даже понравились наши хлопоты. В кухне воцарилась какая-то уютная семейная атмосфера: дед и Митяй втыкали в телевизор, дети дергали опунцию, стоящую на подоконнике, сковородка аппетитно скворчала.

Когда все было готово, Зоя раскидала яичницу по тарелкам, расставила их на столе. Не спуская взгляда с телевизора, дедуля подошел к столу, подхватил две тарелки и молча унес на диван.

– Приятного аппетита, – ядовитым тоном сказала Зоя.

Увлеченный ходом матча, дед не заметил ее недовольства. Митяй подцепил вилкой кусок яичницы и, отправив его в рот, скривился:

– Ух, ну вы соли, конечно, нафигачили!

Зоя пошла пятнами. Я обхватил ее за плечи, усадил за стол.

– Спокойно, сестренка, не горячись.

С показным энтузиазмом я стал поедать ее яичницу. В принципе, мы ее только слегка пересолили – с хлебом было вполне нормально. Но дети отнеслись к яичнице с подозрением.

Они лишь слегка поковыряли ее вилками, а потом переключились на блины. Мигом смолотив их все, дети сбежали в сад.

– Зой, а ты компот сварить не можешь? – спросил дед. – Из сухофруктов?

– Поварешку свою проси! – огрызнулась она.

– Кого? – Дед мигом оторвался от телека, недовольно уставился на Зою.

– Ой, все! – воскликнула та, вскакивая. – У меня мигрень разыгралась. Мне срочно надо принять таблетку.

Она развернулась, чтобы вылететь из кухни, но дед вдруг тихо рыкнул:

– Стоять!

Зоя так и застыла в нелепой позе: с одной поднятой ногой, с прижатой ко лбу ладонью.

– Это ты сейчас кого Поварешкой назвала? – вкрадчиво спросил дед. – Мою Валюшу, что ли?

– У меня просто имя из головы вылетело, – соврала Зоя. – Я ничего плохого не имела в виду.

Дед поднялся с дивана, подошел к нам. Облокотившись о стол обеими руками, он смерил меня и Зою долгим взглядом. Прямо как в старые добрые времена, когда мы на каникулах убегали купаться без разрешения.

– Ребята, давайте сразу договоримся, – серьезно сказал дед, – барские замашки вы можете у себя дома проявлять. У меня же, будьте добры, держите себя в руках. Валюша – девочка хорошая, обижать ее не надо.

– Мы и не обижаем, – буркнула Зоя. – И в мыслях не было.

– С поручениями к ней не лезьте, – добавил дед. – Девочка вообще-то работает еще, не надо ее нагружать. Мы с ней договаривались лишь на небольшую помощь по хозяйству.

– Ясно. – Зоя закатила глаза.

Дед заметил выражение ее лица, нахмурился:

– Ладно, скажу жестче. Если увижу, что вы мою Валюшу третируете, выставлю обоих с вещами на выход.

– Господи, ты серьезно? – Зоя убрала ладонь со лба, схватилась за сердце. – Нас, родных внуков, ты готов променять на эту... – Она осеклась, посмотрела на меня, будто ища поддержки.

– Дед, мы правда не собираемся обижать твою помощницу, – меланхолично заверил я. – Как тебе такое в голову пришло?

Когда мы перемыли посуду, Зоя утащила меня в сад.

– Нет, ты видел? Видел? – Зою почти трясло. – Хорошо же эта приживалка деду мозги промыла. Он готов с нами разругаться, только бы эту дрянь не напрягать.

– А, по-моему, ты сгущаешь краски, – сказал я. – Просто дед у нас добрый и доверчивый. Она топнула ногой.

– Нет, его как будто подменили! – Опасливо оглянувшись по сторонам, Зоя придвинулась ближе, зашептала: – А может, Поварешка его загипнотизировала, а?

Я отшатнулся, покрутил пальцем у виска:

– Зоя, ты что несешь? Какой еще гипноз? Ты на солнышке, что ли, перегрелась? Так иди в тени или водички попей, умойся.

– Вообще-то, я недавно целую передачу про цыганский гипноз смотрела, – сердито пробурчала Зоя. – Там вроде надо как-то правильно моргать, подстраиваться под моргания жертвы. А потом следует глаза вытаращить – вот так! – Зоя старательно выпучила глаза. – Человек оцепенеет, и можно все, что угодно, ему внушать.

– Ужас какой! – выдохнул я.

– Ага, – сестра закивала, – этот цыганский гипноз – страшная вещь.

– Да я, Зой, не про гипноз, а про тебя. – Я сложил руки на груди. – Ты, похоже, засиделась у нас дома, уже на всякие дешевые ток-шоу подседа. Завязывай давай и выходи на работу.

Она надулась, отошла в сторону. К ней подбежал Миша, стал показывать какого-то свежепойманного паука.

– Котик,ними футболку, позагорай немного, – сказала сыну Зоя.

На мой взгляд, солнце уже было высоко и стоило поберечься. Но я не успел вмешаться: Миша стащил футболку, бросил на плетеное кресло. Утром я заметил у него на груди рисунок фломастером, но не придал этому значения. Я в детстве тоже частенько рисовал на себе. И на стенах. За последнее мне регулярно влетало до тех пор, пока дед не подарил мне мольберт. Пока мы были утром на море, фломастер с Мишиной груди почти весь смылся. Но, видимо, племянник не захотел с этим мириться и снова обвел рисунок на груди черным флачиком.

– Что это? – почти завизжала Зоя, увидев рисунок.

– Паук! – гордо ответил Миша. – А на спине мне Настя еще паутину нарисовала.

Он повернулся к нам спиной, чтобы мы убедились: точно, нарисовала. Довольно узнаваемо, от лопатки до лопатки.

– Немедленно иди в ванную и все смой! – прорычала Зоя.

– Не хочу, – равнодушно ответил Миша.

– Хочешь!

– Нет.

Зоя набрала полную грудь воздуха и закричала на весь сад:

– На-а-астя! Настя!

– А? – нехотя откликнулась та со стороны бассейна.

– Сюда иди, – рыкнула Зоя. – Когда мать зовет, надо сразу подойти.

Секунд через двадцать к нам вразвалочку подплыла Настя. Она в этот момент, видимо, снимала, какое-то видео.

– «А сейчас, друзья, я должна с вами попрощаться... – тархтела Настя, накручивая на палец прядь волос. – Бассейн – это прекрасно, но теперь мне хочется сходить на море».

Зоя выхватила у нее телефон.

– Настя, зачем ты изуродовала брата?

– Что? – Настя растерялась, попыталась забрать у матери мобильник.

Зоя крепко прижала телефон к себе, свободной рукой ткнула в паутину, нарисованную между лопаток Миши.

– Твои проделки?

– Он сам просил, – стала оправдаться Настя. – Все мозги вынес.

– Немедленно бери у деда перекинь и оттирайте ваши художества, – распорядилась Зоя.

– Но мне сейчас некогда, – Настя закатила глаза. – Ты разве не видишь, что я снимаю видеоблог?

– Телефон верну, когда все граффити с Мишиного фасада исчезнут, – выкатила ультиматум Зоя.

Настины глаза наполнились ужасом.

– Что?

– Я не дамся, – недовольно сообщил Миша. – Не надо меня мучить.

– Мама, ты мешаешь нашему самовыражению, – с умным видом ввернула Настя. – Ты подавляешь нашу индивидуальность.

Зоя демонстративно затолкала ее телефон в карман шорт. Настя запаниковала.

– Почему ты нам все запрещаешь? – противным голосом спросил Миша. – Вот папа не такой, он добрый.

Лицо Зои пошло пятнами. Настя сразу смекнула, что надо сматываться. Защебетала:

– Так, мелкий, мама права: поиграл и хватит. Пойдем на клининг.

– Но я не хочу, – уперся он.

Настя не растерялась, схватив его за ухо, потянула в дом. Миша дернулся, издал пару нечленораздельных воплей, а потом перестал сопротивляться, покорно последовал за сестрой.

Я взглянул на Зою:

– Ну зачем ты с ними так строго?

– Тоже считаешь, что Тимур лучше справляется, чем я? – Ее губы задрожали. – Конечно, ему легко быть сдержанным и милым: он берет детей только на выходные, водит на аттракционы, кормит картошкой фри. Не отец, а человек-праздник!

– Да при чем тут Тимур? – Мне хотелось застонать. – Ну чего ты взъелась на пацана из-за простого рисунка?

Зоя уперла руки в бока.

– Потому что это не простой рисунок. Это тлетворное влияние дедова Митяя, его наколок. Сегодня Миша паука на груди нарисовал, а завтра, вот увидишь, он пойдет воровать вафли в магазине. – Зоя окончательно помрачнела. – Я, кстати, погуглила: наколки у Митяя воровские. И, судя по их количеству, у этого товарища уже несколько ходок.

– Ты уверена?

– На сто процентов!

Я опять почувствовал, что размякаю. Подумал: ну точно Валя поддалась влиянию этого Митяя, как наш Мишка. Или Митяй вообще использует ее в темную. Не похожа она на мошенницу ни капли: взгляд у нее бесхитростный, добрый, лицо открытое. Да и дед вот о ней хорошо отзывался.

Хотя внешность, конечно, обманчива. В том году я заказал для бюро рассадку цветов в новом питомнике. Менеджеры показались мне невероятно приятными, услужливыми людьми. Но как только я перевел предоплату, они перестали выходить на связь. Нам пришлось срочно искать и заказывать рассадку у других. Я, конечно, съездил потом в полицию, написал заявление на тот питомник, но дело, кажется, за год так и не сдвинулось с мертвой точки.

Я тряхнул головой, прогоняя добродушное настроение. Нет, все же не стоит слепо доверять интуиции. Надо быть крайне осторожным с этой Валею.

Глава 6. Валентина

День прошел как в тумане. Даже кофе, который я пила весь обеденный перерыв, не привел меня в чувства, а к вечеру стало вообще ужасно. У меня было ощущение, что каждое следующее моргание может обернуться катастрофой: глаза просто не откроются снова, я повалюсь на пол и захраплю на всю округу (прямо как Митяй).

В восемь, когда рабочий день закончился, я первым делом отправилась в туалет и долго плескала в лицо ледяной водой. Мне было страшно садиться за руль в настолько сонном состоянии. Я бы, в принципе, сначала вздремнула и только потом поехала домой, но уже пообещала подвезти Леру. Она жила недалеко от меня, потому я частенько подбрасывала ее до дома.

Я закрыла воду и промокнула лицо бумажным полотенцем. Ничего, вздремну, когда высажу Леру. Мне всего часок нужен – и снова буду как огурчик. Снова смогу выполнять все поручения внуков Петра Петровича.

– Эй, все нормально? – спросила Лера, когда я вышла во двор.

– Почему ты спрашиваешь?

– У тебя вид как у зомби. Глаза очень странные.

– Я просто не выспалась.

Мы погрузились в мою «Приору». Лерка сразу включила радио – какую-то незатейливую песенку на английском.

– И кто же нам спать не давал? – спросила она, вытягивая ноги.

– Дела.

Я вдруг вспомнила, что Борис просил купить ему шампунь, с тревогой взглянула на Леру.

– Слушай, ты же никуда не торопишься?

– Нет, а что?

– Мне надо заехать в супермаркет. Меня попросили кое-что купить.

Лерка даже оживилась:

– Слушай, а ведь мне тоже в супермаркет надо. Куплю себе к ужину что-нибудь вкусное: готовить нет сил.

Пробки на дорогах рассосались, ехать по городу было одно удовольствие. Минут через пятнадцать мы с Лерой уже были в супермаркете. Я думала, подруга двинет в кулинарию, но она увязалась за мной. Я нашла ряд с мужскими шампунями, стала разглядывать. Глаза разбегались. Дорогих хватало, но вот понять, какой лучше взять, я не могла. Немного подумав, я решила выбрать по запаху. Стала по очереди нюхать те бутылочки, которые показались наиболее симпатичными. Почти все пахли довольно приятно.

– С лопухом бери, – буркнула Лерка, наблюдая за мной. – Или дегтярный. Нечего деда баловать, он потом на шею сядет.

– Это не для Петра Петровича.

– А для кого? – Глаза подруги вспыхнули любопытством.

– Для его внука, тот вчера погостить приехал.

– Для внука говоришь? – Лера тоже взяла одну из бутылок, открыв, поднесла к носу. – И что он из себя представляет?

– Внук? Ну... – Я растерялась. – Даже не знаю, как описать. На вид около тридцати, брюнет...

– Чем занимается? – перебила Лерка. – Как и дед, катает туристов на лодочках?

– Нет, у него вроде как свое дизайнерское бюро.

Подруга вернула бутылку на место, придвинулась ближе:

– Женат?

Я мотнула головой. Петр Петрович частенько сокрушался, что его «чудесный Боречка» не пристроен в добрые женские руки. Теперь меня это не удивляло: такой наглый хамоватый мужик мало кому нужен.

– Боже мой! – Лера почему-то схватила за сердце и перешла на шепот. – Валя, почему ты мне за обедом про этого внука не рассказала?

– Зачем?

– Ну ты же в курсе: я в активном поиске. – Она игриво тряхнула своей золотисто-русой копной. – Давай я сегодня к тебе на чай забегу, авось и познакомлюсь с этим владельцем бюро. Я же страсть как люблю все дизайнерское: и одежду, и мебель. Дизайнерский мужик мне тоже, думаю, понравится.

– Нет, не понравится, – хмыкнула я. – У него характер мерзкий. Он зазнайка и грубиян. Смотрит на всех сверху вниз, разговаривает в приказном тоне.

– Я как раз обожаю властных, – парировала Лерка. – Что взять к чаю? Торт или набор пирожных?

Я вытаращилась на подругу: блин, она серьезно? И правда решила заявиться ко мне, чтобы познакомиться с Борисом?

– Или лучше мясную нарезку взять? – засомневалась Лерка.

– Лер, ко мне сейчас лучше не надо. Этот внук не один приехал, с ним еще и сестра-гримза.

– И что? Твой старикан не запрещал тебе водить гостей. Прошлый раз, когда я забегала, он был со мной весьма приветлив. И я ведь ненадолго: попьем чаю, и я к себе побегу.

– Понимаешь, какое дело... – Я схватила один из шампуней наугад, сложила в корзинку. – Внуки Петра Петровича постоянно придумывают мне какие-то поручения. Я не уверена, что смогу спокойно сидеть пить чай. Они явно потребуют себе ужин из трех блюд и срочную генеральную уборку

– Валь, я тебя не узнаю. – Лера нахмурилась. – Ты сама, что ли, на этого внука глаз положила? Так скажи прямо, нечего тут сопли жевать, сочинять какие-то глупые отмазки.

– Ничего это не отмазки. И мне этот внук на фиг не сдался. Я же говорю: он жуть какой противный.

– Так, все. Я пошла в отдел с пирожными. – Лера развернулась и ринулась прочь, звонко цокая каблучками.

У меня засосало под ложечкой. Ну вот чего ее в гости так некстати потянуло, а? Внуки Петра Петровича считают меня дешевой услугой, с них станется закатить истерику по поводу того, что я вожу гостей.

Я вздохнула и быстро нагнала подругу.

– Лер, слушай: давай хотя бы не сегодня на чай? Я с ног валюсь, не выпалась. Давай лучше в выходной у меня посидим.

– Шоколадные эклеры взять или обычные? – Лера стала копаться в коробках.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.